

От ненависти До любви

**АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ**

ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЮБВИ

Алла Полянская

Часовой механизм любви

«ЭКСМО»

2015

Полянская А.

Часовой механизм любви / А. Полянская — «Эксмо», 2015

Инна сразу поняла: ее нового начальника хотят убить. Та машина явно поджидала его и стартанула, едва он шагнул с тротуара! К счастью, у Инны была хорошая реакция, она успела оттолкнуть Егора. И не важно, что он ей не поверил – все до поры до времени думают, будто у них нет врагов... Вскоре после этого Инна снова спасла Егора – на этот раз на корпоративной вечеринке, когда на нем буквально повисла Маша Данилова из отдела логистики. Избавив директора от девушки, одержимой идеей найти богатого мужа, Инна предложила подвезти Егора. Но уехали они недалеко: прямо перед капотом их машины упало тело. Это была Маша, совсем недавно намекавшая Егору, что его предшественник погиб при весьма странных обстоятельствах...

© Полянская А., 2015

© Эксмо, 2015

Алла Полянская

Часовой механизм любви

© PR-Prime Company, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Лучше быть жестоким, когда в сердце живет зло, чем ненасилием
прикрывать бессилие.
Махатма Ганди*

Быстрые шаги за дверью, тихие голоса, грохот металлической каталки, звяканье инструментов – все где-то там, за дверью, обычный больничный шум. Инна уже привыкла к этим звукам, как и к запаху больницы. И хотя палата, в которой она сейчас находится, оборудована с претензией на уют, больница есть больница.

– Я хочу знать, какие у нас перспективы.

Молодой врач вздохнул, и, стараясь не смотреть ей в глаза, принялся рассказывать о нервных окончаниях и прочей лабуде, но Инна хотела услышать совсем не это. Ей нужна конкретика, а не пространная научная муть, в которой она не смыслит ни аза.

– Док, вы мне по-людски можете объяснить, станет ли она когда-нибудь прежней?

– Дело в том, что я не знаю. – Доктор наконец посмотрел ей в глаза. – Наркотик нарушил некоторые связи в ее мозге, и я не могу сказать, восстановятся они или нет. Девушка долгое время жила в состоянии сильного стресса, и, возможно, она просто не хочет оттуда возвращаться.

– Откуда?

– Инна, она где-то там, внутри своего тела. И она не желает возвращаться. Кто знает, сколько времени пройдет, когда она захочет, и случится ли это вообще.

– Я бы точно не хотела, паршивое место – наш мир. – Инна старалась говорить спокойно. – Ладно, я побуду с ней немного.

– Конечно. Может, она отреагирует на ваш голос.

Инна села у кровати и посмотрела на Верочку. Бледное личико и взгляд глаз цвета неразбавленного виски, осененных длинными ресницами, – такой далекий и пустой. Инна взяла расческу и, осторожно разбирая пряди, причесала лежащую.

– Солнышко, ты должна вернуться. – Инна гладила бледные щеки Веры. – Слышишь, птичка моя, вернись ко мне, я очень соскучилась. У нас дома теперь живет очень необычный кот... помнишь, ты всегда хотела кота, а я была против, потому что это большая ответственность... ну а теперь он есть, и ты должна его обязательно увидеть. Где ты прячешься, малыш? Ты нужна мне, возвращайся, слышишь?

Аппараты, подсоединенные к телу девушки, равнодушно попискивали. Инна в отчаянии сжала ее пальцы – неужели доктор прав, и сущность Веры блуждает где-то внутри нее самой и не хочет возвращаться?

– Послушай меня, детка. – Инна взяла в руки слабую ладошку с тонкими пальчиками. – Они за это заплатят. Я обещаю – они заплатят за все. Даже не сомневайся. А когда я тебе расскажу, как это было, ты вернешься ко мне.

Инна понимает, что ей пора уходить, но уйти вот так, не переговорив снова с врачом, она не может. Хотя ничего нового он ей не скажет, это понятно.

– Док, как вы думаете, мозг ее функционирует?

– Я вам уже говорил. – Врач поправил очки и прошелся по кабинету. – Она самостоятельно дышит, но не реагирует на внешние раздражители. Томограмма показала, что мозг не поврежден, и все тесты указывают, что мозговая активность есть. Но процессы торможения, вызванные наркотиком, не дают ей вернуться. Так что это все вопрос времени, понимаете?

– Да.

– Послушайте, я знаю, как вам тяжело.

– Нет, не знаете!

– И тем не менее. У меня есть дочь, и я... мне подумать страшно, что вы сейчас чувствуете. Но вы никак ей не поможете, даже если перережете мне глотку за то, что мои ответы – не совсем то, что вы хотите услышать, я не люблю вселять в людей ложные надежды. Но как врач и как человек я надеюсь на лучшее, надейтесь и вы. Все равно ничего другого нам больше не остается.

Инна понимает, что зря наехала на врача, но ей нужно выплеснуть на кого-то бессильную злость, и он просто попался под руку, он это тоже понимает, и от его понимания ей становится еще хуже. Но доктор – все, что у нее есть, чтобы надежда не угасла.

– Послушайте. – Он дотронулся до ее плеча. – Мы делаем все возможное, и рано или поздно она среагирует на терапию. Я просто не могу сказать когда.

Инна кивнула. Конечно, нужно время. Ключевое слово – время, и у кого-то оно закончилось.

1

Ангел качнулся над дверью лифта и угрожающе махнул позолоченным трембоном. Егор поморщился – праздничная мишура, призванная, по замыслу украшателей, создавать хорошее настроение, вызвала у него глухое раздражение и подспудный протест. Он не признавал этого праздничного сумасшествия, не разделял щенячьей радости оттого, что подошла некая дата, которую принято отмечать скопом – обмениваться сувенирами, место которым на помойке, устраивать корпоративные посиделки, на которых сотрудницы, плюнув на дресс-код, будут отсвечивать сиськами разной степени эстетичности и скучными ногами, а офисные мачо будут пить водку и трескать салат «оливье» так, словно ничего вкуснее в жизни не пробовали. И кто-то обязательно нарежется до синих слоников и примется чудить. А на следующий день все будут доедать подсохшие бутерброды и, тихо смеясь, вспоминать прошлый вечер.

Нет в этом ни смысла, ни практической пользы.

Егор вошел в лифт, на ходу расстегивая пальто. В кабине пахло духами, причем не какими-то определенными, а смесью разных – видимо, недавно ехали женщины. Егор чихнул и раздраженно хмыкнул – женщины вообще стадные существа. Выйдя из лифта, он пересек коридор и вошел в большой холл, где располагался офис. Его кабинет находился на двенадцатом этаже, в конце коридора, и чтобы попасть туда, ему приходилось подниматься по лестнице и проходить сквозь строй любопытных женских взглядов. Как-то так получилось, что в фирме большая часть сотрудников – именно женщины. Егор вошел в приемную – там было пусто, сумка секретарши стояла на тумбочке у стола, значит, она уже пришла. Егор мельком взглянул на подоконник – так и есть, большой зеленой лейки на подоконнике не видно – видимо, Наталья вышла, чтобы набрать воды. Зачем-то ей понадобилось заводить в приемной и у него в кабинете уйму цветов, за которыми она трогательно ухаживает. Воду для полива она специально отстаивала в баке, который стоит под лестницей, ведущей на второй этаж. Егор никогда не мешал ей в этом, хочет – пусть развлекается, каждому свое.

Сняв пальто, он определил его в шкаф и мельком заглянул в зеркало – гладко выбритый подбородок, светлые глаза, короткий прямой нос. Ничем не примечательное лицо, так он всегда считал. Егор провел ладонью по коротко стриженным волосам, светлым, почти белым.

Как только они хоть немного отрастают, начинают торчать во все стороны, словно иглы у дикобраза, а потому он вынужден следить за прической с особой тщательностью. Раз в две недели парикмахер стрижет его, и Егор тратит на эту процедуру почти час своего времени.

В приемной мельтешила секретарша – притащила лейку и поливала цветы. Егор знал, что сейчас на рабочих местах сотрудники включают компьютеры, дамы красят губы, кто-то включает чайник для утреннего чаепития. Так было вчера, и позавчера, и завтра будет точно так же. И ни в чем нет смысла.

– Матрица какая-то... – Егор открыл свою почту. – Наташа, кофе принеси, пожалуйста.

– Сейчас, Егор Алексеевич. – Голос секретарши совсем не вяжется с ее внешностью. Она невысокая, суетливая, а голос у нее глубокий, грудной, словно не говорит она, а песню поет. – Вам печенья принести?

– Давай и печенье, чего там.

За те два месяца, что он здесь работает, Егор уже почти привык к своему кабинету, похожему на уголок ботанического сада, и к Наталье, оценив ее пунктуальность и аккуратность. Эта работа была именно тем, что он хорошо знал и умел делать, просто раньше в его жизни был совсем другой город, другое место, другие люди. И он отчасти скучал по своей старой жизни, где все было давно и прочно налажено, но вернуть ее уже не мог. Не хотелось возвращать, чтобы не вспоминать то, что он приказал себе забыть. Он все так же плохо спал, это осталось неизменным – снотворное прочно поселилось в его шкафчике в ванной, и переезд ничего не изменил.

– Ваш кофе, Егор Алексеевич.

Наталья поставила перед ним небольшой поднос с белой керамической чашкой и таким же белым кофейником, полным отличного кофе. На тарелочке горка печенья, оно явно домашнее.

– Печенье сама пекла?

– Ага. – Наталья поправила салфетки. – Своим мальчишкам сегодня утром затеялась, они у меня любят свежее печенье, и как-то много получилось, решила на работу взять, вас угостить. Кушайте, Егор Алексеевич.

Прежняя его секретарша ничего не пекла. Она забывала отправить почту, путала документы, грубила посетителям, но изгнать ее не было никакой возможности, потому что за ее спиной стояла его мать, которой наглая девица приходилась не то троюродной племянницей, не то другой седьмой водой на киселе, но... да какая разница. Все в прошлом.

– Егор Алексеевич, там девчонки спрашивают насчет завтрашнего мероприятия.

Егор вздохнул. На прежней работе все было совсем по-другому. Заказывался ресторан, нанимали массовика и музыку, и «мероприятие» гудело самостоятельно, можно было незаметно слинять оттуда и поехать кататься по городу. Он любил Питер – он там вырос, помнил его улицы столько, сколько помнил себя, и сейчас очень скучал именно по городу, а не по людям.

Здесь все не так. Фирма занимает помещения на двух последних этажах в офисном здании, построенном не так давно, и здесь есть зал для таких «мероприятий». В обычное время там демонстрируют товар, но когда назревает праздник, витрины и полки выносят, ставят столы и отрываются всем коллективом.

Так, по крайней мере, объяснила секретарша. Сам он пока не присутствовал на этих посиделках – не было случая, но 8 Марта для многих офисных сидельцев – святое дело, чтобы поддержать дух корпоративного единства.

– А что там с празднованием?

– Завтра надо бы в обед поехать купить продуктов и напитки забрать, мы уже деньги перечислили, Андрей согласился на машине их подвезти, и...

– Ну, пусть. Наташ, не вмешивайте меня в эту возню. Надо как-то организовать – организовывайтесь, меня это не касается. Позови Ираиду Андреевну, пусть принесет расчеты по новому проекту, она знает. И скажи юристам, что я хочу видеть договор с «Омегой».

– Хорошо, Егор Алексеевич.

Наталья выскользнула из кабинета, оставив его наедине с кофейником. Он налил себе еще кофе и откусил печенье. Оно оказалось сладким, хрустящим и таким вкусным, что Егор мигом расправился с ним, посетовав, что маловато. Без кофе он не мог функционировать – ночи оставляли у него ощущение тяжелого забытья, снотворное уже не помогало, днем без кофе он просто засыпал. Однажды он решил обмануть себя и прилег днем в надежде, что сонливость, одолевающая его, возьмет свое, и он поспит, но не тут-то было! Пока сидел за столом, клевал носом, но стоило прилечь – сна как не бывало. Егор уже перестал бороться с этим, просто всякий раз, глотая снотворное, вздыхал – поможет на пару часов, а потом снова он будет ворочаться в полусне, придавленный душной темнотой.

Он не любил темноту.

Дел сегодня предстояло много, Егор покосился на кипу бумаг, принесенных Натальей, и подумал, что нужно обязательно успеть до вечера закончить все дела. Завтра день насмарку, коллектив иступленно празднует 8 Марта, неотвратимо наступающее тяжелыми шагами: подарки сотрудницам и «мероприятие», будь оно неладно. Все бы ничего, но ему предстоит произнести речь, а он этого не любил никогда. Еще и коллектив, привыкнуть к которому он так и не смог, да и не хотел. Его напрягало их любопытство, возня, какие-то подводные течения, которые он иногда чувствовал, но вникать не собирался. Он всегда был убежден, что на работе надо работать, а не дружбу дружить, но так никогда не получалось, и его это раздражало.

– Егор Алексеевич, вызывали?

Главный бухгалтер Ираида Андреевна, полная дама с аккуратной рыжеватой стрижкой, проскользнула в кабинет и уютно расположилась в кресле напротив его стола. Егор никогда не любил толстых теток, считая, что процент жира в организме вполне под силу контролировать любому мыслящему индивиду, но Ираида Андреевна его не раздражала. Она была похожа на учительницу младших классов – аккуратно и со вкусом одета, умело подкрашена, у нее ухоженные руки и улыбчивые карие глаза, небольшие и внимательные. В свои пятьдесят восемь лет она могла дать фору любой молоденькой карьеристке, и менять ее на длинноногую девицу, переполненную знаниями о корпоративной культуре, которых у нее в голове гораздо больше, чем собственно профессиональных знаний, Егор не собирался. Он вообще не понимал, к чему возня вокруг возраста или внешности сотрудников. Как говорится, вам шашечки или ехать? Если человек выполняет свою работу удовлетворительно, нет смысла менять его на том лишь основании, что есть кандидат просто моложе.

– Егор Алексеевич, расчеты я сделала, решение принимать вам. – Ираида Андреевна положила принесенную папку с файлами ему на стол. – Таблицы перебрала в вашу папку на сервере, посмотрите. Цифры неплохие получились.

– Хорошо. – Егор покосился на гору бумаг в лотке. – Давайте обсудим основные показатели, и я сегодня приму решение.

Ему нравилось то, что он делал. Весь мир представлялся ему гигантским рынком, на котором туда-сюда курсируют контейнеры с товаром и потоки денег. И это движение подчиняется логичным и строгим законам, где нет места сантиментам и прочим неуставным отношениям. Что-то в корпоративной этике, безусловно, есть – она как раз и направлена на то, чтобы люди на работе не заводили никаких личных отношений, которые только мешают выполнению профессиональных функций.

– Егор Алексеевич, к вам юрист.

Наталья взглянула на поднос с кофейником, и Егор кивнул – можно забирать. У них с Натальей сложилась своя сигнальная система, она очень быстро поняла, что от нее требуется как можно реже напрягать его бытовыми вопросами.

– Пусть войдет.

Он надеялся, что придет Федор, молодой и очень умный парень, с ним ему было спокойно и просто. Но в кабинет вошла Инна Шатохина, высокая полноватая шатенка с мягкими манерами сытой пантеры и непроницаемым взглядом золотисто-карих глаз на абсолютно белом лице. Кожа у нее была настолько белая, что казалась искусственной. Егор внутренне поежился – Шатохина его напрягала, он и сам не понимал чем, но в ее присутствии он терялся и чувствовал себя как провинившийся школьник перед завучем, хотя Инна была моложе его.

– Я изучила присланный договор. – Она смотрела на него ничего не выражающим взглядом. – Я отметила спорные моменты, там есть несколько пунктов, которые нам никак не годятся, и если мы будем составлять протокол разногласий, нужно сейчас их обсудить.

Егор молча взял аккуратно помеченный заметками текст договора. Они были толковыми и, как всегда, написаны на полях четким почерком Шатохиной. Они напоминали Егору о том, что эта неприятная дама умна и умеет добиваться своего. Он уже знал, что все черновики, помеченные таким образом, она хранит у себя в сейфе. Как-то раз ему случилось поспорить с ней насчет ранее подписанного ими договора, и Шатохина в два счета доказала ему, что это он зевнул, отклонив ее предложение – просто принесла такой вот черновик, который не хранил бы ни один нормальный человек. А Инна сохранила, и Егор убедился, да, он сам перечеркнул предложенный ею пункт, и вышло так, как она и предупреждала. С тех пор Егор очень осторожно относился к Шатохиной, думая о том, что корпоративная этика, конечно, требует держать на работе эту стервозную бабу, потому что она в своем деле собаку съела, но он бы с огромным удовольствием избавился от нее, если бы позволил дать волю своим эмоциям.

– Хорошо. Оставьте мне это, я почитаю и подумаю. Инна Кирилловна, скажите Федору, пусть зайдет ко мне.

– Прямо сейчас?

– Да, пусть сейчас зайдет.

Корпоративная этика, конечно, вещь хорошая, но не нравится ему эта баба, хоть убей. Что-то есть в ней такое, что заставляет его чувствовать себя при Шатохиной неуверенно. И если появится возможность избавиться от нее, он это сделает.

Шатохина пошла к двери, и он с неудовольствием посмотрел ей вслед – сколько ей, тридцать пять? А корму отрастила, как у парусного линкора. И сиськи размера третьего, а то и больше. Ноги, конечно, приличные, но подумать даже страшно, кто к этой фурии вообще способен приблизиться. И если сейчас Федор с ним согласится, то он заменит Шатохину – просто переведет ее в филиал, может, даже с повышением. Лишь бы никогда больше не ежиться под ее холодным взглядом.

Он пролистал принесенный Шатохиной документ. Конечно, она свое дело знает: все подводные камни, рифы и мели она заметила и обошла, и надо быть дураком, чтобы с ней не согласиться. А вот согласятся ли контрагенты... Егор злорадно ухмыльнулся – переговоры будет вести сама Шатохина, а она так умеет все обставить, что все ее предложения контрагенты принимают. Нет, убирать ее нельзя, другую такую акулу пойдешь потом найди. Но прощупать ее не мешает, а потому он просто расспросит Федора, который работает с ней в одном кабинете. Ковалев отличный парень, улыбчивый и открытый, с ним все гораздо понятнее.

– Вызывали, Егор Алексеевич?

Высокий, плотно скроенный, с короткой аккуратной стрижкой Федор Ковалев представлял собой отличный экземпляр молодого поколения офисных бойцов. Одет не официально, но очень строго, всегда деловой и пунктуальный, с открытым взглядом больших карих глаз и застенчивой улыбкой, он располагал к себе моментально. Егор в толк взять не мог, как Федор

вообще может долго находиться в обществе Шатохиной, а они работают бок о бок почти год, судя по документам отдела кадров, и пришли практически одновременно.

– Федор, как у нас обстоит дело с иском против ликеро-водочного завода?

– Слушание послезавтра, у нас все готово. – Федор усаживается, повинаясь приглашающему жесту Егора. – Мы предполагаем, что все будет хорошо. Но это суд первой инстанции, и они однозначно будут подавать апелляцию.

– Зачем? Ты же говоришь, что все в нашу пользу?

– Чтобы время потянуть, Егор Алексеевич. – Федор улыбнулся. – Прислать вам документы или просмотрите дело?

– Нет, я его уже видел. – Егор нажал на кнопку, вошла секретарша. – Наташа, сделай еще кофе. Федор, ты будешь?

– Да, спасибо.

– Наташа, кофе нам обоим. – Егор повернулся к Федору. – Насколько затянется дело, как ты думаешь?

– Если все решится с одного слушания, то думаю, что с учетом апелляций за три-четыре месяца мы получим решение, позволяющее нам взыскать долг и штраф. Но они могут послезавтра не явиться в суд. Или потребовать экспертизы подписей на накладных. Многое можно сделать, чтобы затянуть процесс, а тем временем инфляция обесценит сумму долга, и я не знаю, сможем ли мы его проиндексировать и получить нужное решение, для этого необходимо будет доказать, что они специально затягивали дело.

– Понятно. Перспектива так себе.

Наталья поставила на стол поднос с кофейником и двумя чашками. Егор вышел из-за своего стола и сел напротив Федора.

– Сахар?

– Да, спасибо. – Ковалев бросил в чашку два куса рафинада. – Хороший кофе.

– Я плохого терпеть не могу. – Егор отхлебнул из чашки, наслаждаясь вкусом напитка. – Наталья немного корицы добавляет и какао, вот и получается такая штука. Федор, возможен ли вариант, что они предложат мировое соглашение?

Егор тянул время, не зная, как приступить к вопросам о Шатохиной. Он может попросту расспросить секретаршу, но тогда его интерес станет известен кому угодно – Наталья непременно сболтнет, бабы все такие, совершенно не способны держать свои рты закрытыми. Но и Федор не должен заподозрить, что совсем не ради грядущего слушания он вызван в кабинет шефа.

– Сумма для них не критическая, могут и предложить.

– Тогда пусть платят в течение четырех месяцев частями. Разбей долг и составь график, если они согласятся, нам это будет выгодней, чем годами с ними судиться.

– Я могу Инну Кирилловну попросить позвонить им. Она поговорит и, возможно, мы представим в суд уже подписанное мировое соглашение.

– А сам-то что, не уговоришь?

– Они меня уже знают, а с Инной Кирилловной пока не работали, договор заключался до того, как мы пришли сюда. Шатохина гораздо эффективнее, чем я, умеет вести переговоры.

– Ну да. – Егор побарабанил пальцами о столешницу. – Она толковая. Как тебе с ней работается, не в напряг?

– Ну что вы, Егор Алексеевич. – Федор удивленно округлил глаза. – Инна Кирилловна – милейшая женщина, редкой доброты человек.

Такого Егор точно не ожидал. Эта характеристика настолько не вязалась с его впечатлениями от Шатохиной, что он на минуту даже завис, пытаясь осмыслить услышанное и соотнести его с высокой холодноглазой неприятной бабой, которая своей прямолинейностью напоминала атомный ледокол во льдах Арктики.

– То есть?

– Егор Алексеевич, с Инной Кирилловной работать одно удовольствие. – Федор улыбнулся и отставил чашку. – Она очень легкий, светлый человек. Мы почти год в одном кабинете сидим, уж я-то могу о ней судить.

– Она замужем?

– Нет, но у нее есть племянница, кажется.

– А родители племянницы где?

– Погибли много лет назад в какой-то не то катастрофе. Она не любит об этом говорить, а я не спрашиваю.

– Понятно. – Егор отлично усвоил слова Штирлица о том, что запоминается последняя фраза. – Так ты разбей долг и составь график, и пусть Шатохина им позвонит, попытка – не пытка, чем черт не шутит.

– Хорошо.

Федор вышел, а Егор углубился в бумаги. Работа отвлекала его от мыслей о Питере. Он бродил по улицам, поднимался на мост, позолоченный купол Исаакия блестел на фоне сероватого мартовского неба, и не было ему покоя, потому что прошлое никак не хотело его отпустить, или он не хотел отпустить прошлое. Люди есть люди, и простым нажатием некоей секретной кнопки душа не отключается.

Егор вошел в Интернет и набрал знакомый адрес – открылось окно форума, он ввел свой ник и пароль и вошел. Народ увлеченно обсуждал какой-то фильм, который Егор не смотрел, в другой теме степенно ругались два непримиримых антагониста, Лунатик и Питер, еще в одной теме Пастор Шлаг развивал теорию о Нибиру и рептилоидах, и Егор улыбнулся – на форуме ничего не меняется. Здесь с одинаковой горячностью обсуждают политику и преимущества той или иной машины, поливая друг друга ругательствами при случае, здесь свои группировки, симпатии и антипатии, но все честно и открыто, а главное – все как бы не все-ррез. И это именно как бы, он знал многих из этих людей, и они стали ему дороги. И сейчас их безбашенный флуд удерживал его в реальности.

Егор отодвинулся от стола и посмотрел в окно. Он до сих пор не мог поверить, что будет жить теперь здесь, вряд ли вернется назад, в Питер, и эта мысль наполняла его тоской. Словно похоронили его заживо, и уже сорок дней как помянули. Хотя в этом есть одно неоспоримое преимущество – его жизнь стала принадлежать ему самому. И, несмотря на то что это может оказаться иллюзией, Егор был настроен сделать все, чтобы никогда больше не чувствовать себя тряпичной куклой в чужих руках. Потому что это странно и неправильно – в тридцать семь лет не иметь собственной жизни и собственных решений.

Зазвонил телефон. Это был единственный старый номер, который Егор не поменял.

– Привет, Купер.

Только один человек знал этот номер.

– Привет, Лунатик.

– Я смотрю, ты онлайн – но молчишь. И не было тебя долго, Стая волнуется. Купер, ты ок?

– Не совсем. – Егор вздохнул. – Но я пока не могу об этом.

– Если что-то нужно, ты просто позвони.

– Я знаю. Спасибо. Стае привет. Когда смогу, появлюсь.

Они называли свое сообщество Стаей – познакомившись на городском форуме и поняв свою общность, они поддерживали друг друга, как умели, взрослые, не слишком счастливые, внутренне очень одинокие люди, которые никак не вписывались в социум, отторгая его правила – кто-то явно, кто-то тайно, из-под маски, надетой когда-то. И они так и остались бы одинокими, если бы не форум, который столкнул их, и вдруг оказалось, что в мире есть те, кто видит точно такое же небо. А видеть одно и то же небо – это важно.

Егор через приемную вышел в коридор. Если пройти мимо всех кабинетов, где сидят сотрудники, будет выход на лестницу, которая ведет на крышу, где оборудована смотровая площадка и установлены скамейки. Егору вдруг нестерпимо захотелось выйти на воздух и посмотреть на небо. То же самое небо, которое сейчас видит Стая в далеком Питере. Они соберутся на выходные на старом месте, будут пить кофе и болтать, и он может приехать, тут час езды – но он не может. Не потому, что придется объяснять. Нет, никто не станет лезть в душу, расспрашивая и сочувствуя. Но он сам ощущает, как сломалось в нем нечто важное, что делало его тем, кем он был. А Купер остался прежним, но Купер живет на форуме.

Он пожалел, что не надел пальто, привлечь внимания не хотелось. На крыше его сразу взял в оборот холодный ветер, но это все равно лучше, чем его кабинет, заставленный вазонами с цветами. Он прислонился к бетонной стене небольшой надстройки, которая служила для вывода вентиляции, и закрыл глаза. Здесь он может быть самим собой – только он и небо. Одно на всех.

– И что ты предлагаешь?

Егор вздрогнул, поняв, что с другой стороны надстройки кто-то есть. Мысленно чертыхнувшись, он совсем уж было собрался вернуться обратно в офис, но следующая фраза остановила его.

– Завтра корпоратив, он тоже там будет – тебе и карты в руки. Одинокий мужик, подружки, похоже, нет. Подпой его, пригласи танцевать, ну что, я должна тебя учить охмурять мужика?

– Он замороженный какой-то...

– Он нужен тебе или нет? – Голос зазвенел раздражением. – Возраст самый подходящий, говорят, детей у него нет, а квартира есть, зарабатывает хорошо.

– Соня, ну ты как себе это представляешь... Завтра наши курицы устроят перед ним такой парад планет, что...

– Большинство участниц парада замужем. Ираиду отбрасываем из-за возраста, Шатохина вообще не по этим делам – сто пудов припрется в обычной одежде и даже губы не накрасит, и кто остается? У Надьки ноги кривые, Ирка без сисек совершенно, и зубы как у лошади, Лариска пить не умеет, я ее напою сразу, и она уйдет в астрал, Зинка – в принципе не вариант, с ее репутацией. Ну, и кто остается?

– Ну, не знаю... Идем обратно, скоро хватятся нас.

– Не хватятся. Ираида в банк уехала, Рубахина ревизию по складу принимает, Шаповалова еще не приехала, где-то на переговорах. А твой в кабинете с Федькой заперся. Я этот наш гадюшник ненавижу, знаешь? Каждый норовит тебя подставить, каждый старается сделать гадость...

– Да ладно, прямо каждый. Сонь, ну что ты... везде так.

– Машка, что ты городишь! Не везде. Я уже полгода другое место себе ищу. Правда, пока не попадалось ничего хорошего, но...

У одной из говоривших зазвонил сотовый, и Егор поежился – уйти сейчас невозможно, его услышат, а холод не на шутку принялся за него.

– Идем, Наталья говорит, Шаповалова вернулась. Эта тварь может кучу неприятностей доставить, ты же знаешь.

Егор едва успел скользнуть за угол, как каблучки простучали мимо него – он только успел увидеть две фигуры, высокую и низенькую, одетые в сероватые шубки.

«А *твой* в кабинете с Федькой заперся». Егор вдруг понял, что это его они собирались завоевывать, его обсуждали, и уже для одной из сотрудниц он «твой». Наверное, это должно было ему польстить, но не польстило. Усталость навалилась на него, он подошел к краю крыши. Внизу видна улица, большая стоянка, а дальше – серый город, ошетилившийся антеннами.

И ничего больше. Если взять и просто шагнуть с крыши вниз, это, возможно, будет самым лучшим решением.

Егор вдохнул холодный воздух и пошел к двери. Слишком большой соблазн. Слишком близко решение. Нет, не сейчас. Эту дверь всегда можно открыть, она-то никуда не денется, уж точно.

Коридор окутал его теплом и запахами. Всегда вот так с холода становятся заметны все запахи, витающие в помещении. Потом они словно исчезают, но целую минуту можно различать запах работающего принтера, смеси духов, освежителя воздуха и пыли.

Егор вернулся в кабинет и снова принялся за бумаги. Ему нравилось исправлять ошибки и создавать четкую систему, которая работала слаженно и эффективно, если люди понимали свою ответственность. А он делал все, чтобы люди это понимали. Изучив деятельность фирмы, он в первую же неделю своего пребывания на должности уволил нескольких сотрудников, чье отношение к работе его не устраивало. Егор всегда считал, что нужно оптимизировать процесс, иначе не стоит и огород городить.

– Елена Вячеславовна, он занят!

Наталья почти кричит, но дверь уже открылась – в кабинет вплыла Шаповалова, начальник отдела логистики. Ее гибкая фигура была обтянута черным платьем, а ноги, неожиданно тяжеловесные, открыты. Егор не понимал, зачем она их демонстрирует.

– Егор Алексеевич, у меня к вам вопрос...

– Елена Вячеславовна, я занят. Вопрос по работе и срочный?

– Нет, просто завтра у нас праздник, и я бы хотела...

– Я занят. Праздниками занимайтесь без меня и оставьте привычку вваливаться ко мне в кабинет, когда секретарь вам говорит, что я занят.

Егор давно хотел сказать это Шаповаловой, так она опостылела ему своей бесцеремонностью. Ее бледное остренькое личико стало еще бледнее, а тонкие губы сжались в нитку. Ну, что ж, мир – ужасное место, пора бы это знать. Егор ощутил облегчение – эта дама до того надоела ему своими постоянными вопросами, притязаниями, вовлечением его в разные пустые затеи, что он почти впал в отчаяние от своего бессилия – а сейчас, похоже, дело разрулится само.

Шаповалова развернулась и выскочила из кабинета, хлопнув дверью. Да, с Шатохиной он пока не решил, а эту нервную мадам теперь точно уволит, к черту корпоративную этику.

Телефон зазвонил в кармане, вибрируя и требуя внимания. Егор обреченно достал его и посмотрел на экран – для порядка. Он и так знал, кто звонит. Он выставил специальную мелодию на этого абонента. И почти смирился, почти нажал кнопку приема вызова – но вдруг подумал: зачем? Что будет, если не принять звонок?

Телефон все звонил, Егор слушал мелодию вызова и думал о том, что лететь с крыши было бы совсем недолго.

2

«Присмотрела бы ты за своей шавкой, что-то она болтать много стала. Как бы чего не вышло. Прислушайся к ее разговорам, до добра ее болтовня не доведет. Посмотри ее страничку в Фейсбуке».

Короткое письмо, но та, что его получит, поймет.

Смешная штука – Интернет. Столько можно сделать при помощи обычного электронного письма, если знать, кому, когда и что написать.

* * *

– Егор Алексеевич, я ухожу. Может, еще кофе?

– Нет, Наташа, спасибо. Ступай.

– Завтра в три – праздник, не забудьте. – Наталья обеспокоенно смотрит на шефа. – Шли бы вы домой, поздно уже...

В последние пару недель она иногда позволяла себе проявлять о нем такую вот неуставную заботу. Егор не обращал на это внимания, понимая, что грань Наталья никогда не перейдет, но ей приятно о нем заботиться почему-то. Бывают такие женщины, что ж. Вот только ему на пути такая никогда не попадалась.

Наталья досталась ему от прежнего директора, который внезапно скончался. Егору сначала странно было от мысли, что совсем недавно за этим столом сидел другой человек, и он не уехал, не уволился или заболел, а умер внезапно. И теперь все, что от него осталось, – это пометки мелким почерком в прошлогоднем календаре, да в одном из шкафов Егор обнаружил старую табличку, снятую с двери: Директор Попов Руслан Викторович. А у Натальи стоял допотопный коммутатор – покойный Попов любил окружать себя вещами из прежних времен, и Егор всю дорогу собирался заменить коммутатор, да все руки не доходили, тем более что работал он исправно.

Егор не спрашивал, от чего умер его предшественник, его это не интересовало. Наталья все так же сидела в приемной, и только кофейный сервиз был новым. Егор купил его сам, выбрав по своему вкусу, да на столе заменил календарь на новый, благо принял должность в начале года.

Он отложил бумаги и поднялся из-за стола. Он всегда уходил позже всех – ему некуда было торопиться, дома его никто не ждал, и это отчасти радовало, но пустая квартира была неподходящим местом, чтобы проводить в ней вечера, а вот пустой офис – другое дело. Можно посидеть на форуме, поболтать или просто почитать, ощущая при этом, что лодка плывет.

Но сегодня у него был совершенно определенный интерес. Егор порылся в сейфе, нашел связку ключей и вышел в коридор. Он направился к кабинету с табличкой «Юрист». Отчего-то Шатохина не выходила у него из головы. Что-то было в ней такое... кровеостанавливающее, как говорил когда-то его друг Серега Маслов. Но Серега имел в виду Серафиму Михайловну, их учительницу физики, жуткую совершенно тетку, которая одним своим появлением в классе заставляла окаменеть всех, как Медуза Горгона. Иногда люди каменели в самых нелепых позах, хотя она никогда ни на кого даже голоса не повышала. Шатохина тоже такая. Но вот что странно – Федор отзывается о ней с заметной симпатией и теплотой, а врать ему незачем.

Отперев кабинет, Егор вошел. Стол Шатохиной в углу, у окна. Егор заметил, что со своего места она может видеть всех входящих, а вот Федор – нет.

– Ну, что тут у тебя?

Он всего несколько раз бывал здесь, и всякий раз недолго. Оглядевшись, он отметил аккуратные папки в шкафу, пронумерованные и подписанные в одном стиле, абсолютный порядок на обоих столах, вполне счастливые цветы и чистые, без единой пылинки, поверхности. Егор заглянул в ящики стола – верхний оказался заперт, в трех других в идеальном порядке помещались какие-то папки с документами. Ни фотографий, ни безделушек, ничего, что указывало бы на пристрастия хозяйки. Более близкого рабочего места представить себе невозможно.

– Может, комп?

Егор включил компьютер, тот замигал и потребовал пароль для входа. Егор отключил его и вздохнул. Здесь ловить нечего. Он вышел и вернулся к себе. Офис отвечал ему гулкой тишиной, в которой его шаги звучали как в старом советском кино. Нужно идти домой, нечего тянуть.

Одевшись и заперев кабинет и приемную, Егор проследовал к выходу и поставил офис на сигнализацию. Дойдя до лифта, он в уме прикинул, что нужно бы заехать в супермаркет и купить какой-нибудь еды, потому что ничего, кроме кофе и утреннего печенья, он за весь день не съел. Кивнув охраннику на входе, Егор проследовал на стоянку, где в компании еще трех машин стоял его старенький седан. Можно было купить другую машину, но это был старый верный друг, который к тому же целиком его устраивал. Егор не понимал, зачем менять хорошую, на ходу, машину на другую поновее.

В темноте окна супермаркета и светящиеся красным буквы «Восторг» казались островком тепла и равновесия. Уже схлынула толпа граждан, спешащих после работы затариться съестным, Егор взял корзинку, пошел мимо полок, холодильников и стеллажей. Он понятия не имел, что хочет купить. Может, спагетти? Егор бросил в корзинку пачку макарон, туда же отправилась банка соуса «болоньез», хлеб, масло и какие-то конфеты. Автоматически отмечая, что товары на полках расставлены идеально, по всем правилам торговли, Егор совсем уж было наладился на выход к кассе, когда его привлек божественный запах.

Дородная женщина в белом халате вынесла откуда-то большой поднос с жареной рыбой в красном соусе, горячей и пахнувшей, как в детстве, и его рот немедленно наполнился слюной, Егору захотелось съесть кусок этого сказочного блюда сейчас же, не сходя с места.

– Хотите попробовать? – Продавец подцепила ножом кусочек рыбы, положила на маленькую тарелочку и протянула Егору. – Свеженькая, только-только со сковородки. Понравится – возьмете, дома покушаете.

Рыба оказалась на вкус еще лучше, чем он думал, и, получив в руки теплый прозрачный контейнер с обжаренными кусочками, аппетитно проглядывающими сквозь густой томатный соус с морковью, луком и какими-то специями, Егор понял – это он съест в машине, просто не довезет до дома.

Решив, что уж теперь-то у него достаточно припасов, он направился к кассе.

– Инка! – Звонкий веселый голос заставил его оглянуться.

Девушка в яркой куртке, с рыжей кудрявой копной на голове оглядывалась по сторонам – кого-то потеряла. Многочисленные цепочки на ее шее блестели и позвякивали.

– Чего ты орешь?

Услышав этот голос, Егор вздрогнул. Шатохина, собственной персоной. Но в каком виде! Вытертые джинсы, черная блестящая куртка, под ней рокерская футболка с черепом и готическими буквами. Яркая помада, блестящие серьги, массивный браслет на запястье – похоже, серебряный.

– Инка, давай купим мороженого – целую тонну.

– Тонну я не увезу, не гони. Купим два ведерка – миндального и шоколадного, орехи и бутылку сиропа. Вот, я уже нашла.

– А мартини? Мартини и оливки забыли!

– Это ты забыла, а я – нет. Прекрати орать, на тебя люди оглядываются. Кока-колу возьми лучше, у меня руки заняты.

Шатохина подтолкнула хихикающую девушку к кассе, Егор поспешно спрятался за стеллажами. Столкнуться с сотрудниками – что может быть хуже? Тем более с Шатохиной. Егор совершенно не мог себе представить, что она тоже ходит по магазинам, а уж тем более – ест мороженое, и кто-то называет ее вот так запросто – Инка. И уж тем более не ожидал, что она может разгуливать в нерабочее время в таком виде.

Кассирша пробила два ведерка с мороженым и еще кучу всякого, что обычно покупают женщины для своих сборищ. Отчего-то напиток со вкусом пектусина они называют мартини – из-за надписи на бутылке, надо полагать, хотя это пойло не имеет ничего общего с одноименным коктейлем. Егор выложил на ленту свои покупки и с удовольствием наблюдал, как сно-

ровистая кассирша пробивает, а вторая девушка в форме работника супермаркета складывает их в пакет.

– Спасибо, приходите к нам еще!

Эта дежурная фраза, по идее, должна привлекать покупателей. И это работает. Когда персонал магазина знает свое дело и приветлив, покупатель обязательно вернется.

Подхватив пакет, Егор почти бегом направился к машине. Надо дотерпеть до дома. Выложить рыбу в тарелку, отрезать ломоть хлеба, вооружиться вилкой и... Не удержавшись, Егор оторвал кусок от батона и запихнул в рот. Пробок нет, до дома недалеко, дотерпит.

На стоянке Шатохина уже оседлала мотоцикл, девица в яркой куртке устроилась сзади, обхватив ее за талию. Мотоцикл рванул с места, разбрызгивая мокрый снег и грязные лужи, и Егору вдруг подумалось, что он сделал совершенно неправильные выводы и о Шатохиной, и о своем новом коллективе. Он даже не захотел вникать ни во что, кроме цифр, договоров и стратегии продаж. Но вникать-то надо. Или нужно все бросить и уходить. Вот только куда? От себя-то не спрячешься.

Квартира встретила его теплой темнотой. Не зажигая свет в передней, он разулся, бросил ключи на столик в углу и, скинув пальто на диван, прошел на кухню. Зажег свет и, щурясь от боли в глазах, выложил на стол покупки. Контейнер с рыбой был еще теплый, и Егор, вымыв руки, достал тарелку – хорошо, что не стал в машине лопать. Теперь удовольствие будет полным.

Сотовый звонил в гостиную, в кармане пальто, но Егор прикрыл дверь кухни, чтобы не слышать. Он вдруг понял, что не будет больше отвечать на эти звонки – не будет, и все. И заставлять себя не станет, как и объясняться в тысячный раз, потому что на том конце провода человек не желает понимать и принимать его доводы, а просто хочет в очередной раз нагнуть его, а он больше не намерен этого позволять.

– И ведь Шатохина мне не нравится именно потому, что я знаю – она из породы любителей нагнуть. Или это мне кажется, что она такая?

Теперь он уже не так в этом уверен. Конечно, она манипуляторша та еще, но с ним всегда держалась предельно корректно, и если макнула его тогда носом, то по делу, а не потому, что хотела унижить или что-то навязать. Просто доказала, что права – законными, кстати, методами, никаких грязных игр. И когда она оседлала свой мотоцикл, ему показалось, что он попал в старый американский фильм о байкерах и прочей экзотике.

– Ну, что ж. Пора вникать.

Он и сам понимал, что дальше так нельзя. Прошлое никогда не отпустит его, если он будет продолжать подпитывать тех, кто в этом прошлом делал его жизнь невыносимой. И теперь пытается проделывать то же самое, пытаясь его вернуть в то болото, из которого он бежал, когда понял, что больше не в состоянии терпеть.

– К черту все!

Егор доел рыбу и включил чайник. Зайдя в спальню, разделся, взял халат и пошел в ванную. Теплый душ смыл напряжение, и когда он вышел, чай с конфетами показался ему отличной идеей, как и кровать с ночником на тумбочке. Можно почитать перед сном. Ты – это маска, которую ты выбираешь. Пожалуй, Воннегут прав. Мы надеваем некую маску, но оказывается, что она нам ближе, чем собственное лицо. Маска – это то, что мы хотим с собой сделать. То, какими мы сами хотим себя видеть. Хотя каждый знает, что под ней неуверенность, страхи, страдания и бог знает что еще. Лучше не смотреть.

Сотовый снова зазвонил. Это не звонок из прошлого, разве что звонят с неизвестного номера.

Номер и правда неизвестен.

– Егор.

Голос из прошлого все-таки его достал. Егор закрыл глаза и уткнулся в подушку. Его нет, и голоса в трубке тоже нет. И нет душной темноты, из которой нет выхода.

Черт, надо менять номер. Он и поменял все номера, кроме этого, который с ним уже тринадцать лет. Просто не смог расстаться – это был самый первый его сотовый номер, и на него звонят Лунатик и Стая.

– Мама, я лег спать.

– Я звонила днем. – Голос холодный и резкий. Как всегда. – Почему ты не взял трубку?

– Занят был.

– Не лги мне, Егор.

– Да, мама. Я не хотел. И не хочу. Хватит мне названивать. Чего ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты вернулся и взял на себя ответственность за свою семью. У тебя жена и скоро появится ребенок. Ты не имел права их бросать.

– Мама, у меня нет семьи. Ты прекрасно знаешь, что это не мой ребенок, экспертиза доказала, и я в толк не возьму, с чего бы мне содержать его. Я развелся и оставил бывшей жене все имущество, и больше для нее ничего не могу сделать. Вы с отцом выбрали бывшую невестку и чужого ребенка? Это ваш выбор. Я никого из вас больше не хочу ни видеть, ни слышать. Считайте, что я умер.

– Егор...

– Все, мама. Хватит меня пилить. Мы все сделали свой выбор. Полина переспала невесть с кем и забеременела, при этом утверждая, что от меня. Вы с отцом непонятно с чего встали на ее сторону. Тоже, кстати, сомнительная забава – но это ваш выбор, я его уважаю. И теперь уж будьте так добры, уважайте мой выбор тоже. А он таков: я больше никого из вас не желаю знать. Хотите растить невесть от кого прижитого ребенка, рожденного совсем чужой вам женщиной? Ваше право. Я в этом участвовать не намерен, и суд, как вам хорошо известно, тоже был со мной согласен в этом вопросе.

– В таком случае мы с отцом подадим на алименты – как твои родители, и ты обязан будешь...

– Подавайте. – Егор устало откинулся на подушки. – Мама, вы можете подавать на алименты, танцевать танго, разводить тунца в ванной – это ваше право. Но больше никогда мне не звоните. Не приезжайте. Не попадайтесь мне на глаза.

– Егор, как ты можешь!

– Все. Забудь меня, как неудачный проект. Трубку я взял в последний раз, завтра этого номера не будет.

Он никогда не позволял себе так с ней разговаривать. Он вообще никогда не спорил с ней, потому что это было не принято у них в доме – спорить с матерью. Ее решения всегда были окончательными, а вердикты незыблемыми и подлежащими обязательному выполнению виновной стороной, а он как раз и был всегда этой самой виновной стороной. Априори виновен, в любом случае.

Никто этого не знал – ни коллеги, ни друзья. Может, Серега догадывался. Но этот холодный голос всегда диктовал ему то одно, то другое, он ненавидел себя за то, что не может ему противостоять – и покорно выполнял приказы. Он и сам не знал почему, но когда он все-таки нашел в себе силы не согласиться и не выполнить приказ, ему пришлось уехать. Живи он там, где она могла прийти к нему домой или на работу, он знал – надолго бы его протеста не хватило.

Но теперь хватит. Даже если они все заявятся сюда – можно просто не открыть дверь. Как можно выбросить сим-карту с номером.

– Нет. Прятаться я больше не стану. – Егор снова пошел на кухню и налил себе воды. – Черт, она знает, что я не буду теперь спать всю ночь. Беда в том, что она слишком хорошо меня знает. Но со снотворным надо завязывать, так можно и не проснуться когда-нибудь.

Он выпил воду, поставил стакан на место и вернулся в спальню. Пожалуй, все к лучшему. Ведь если бы Полина так откровенно не лгала ему, он ни за что не решился бы на генетическую экспертизу. А мать просто не успела среагировать и помешать этому. С выводами экспертизы на руках развели их с одного заседания. Егор оставил Полине все имущество, уволился с работы и принял предложение Сереги Маслова, одного из партнеров большого торгового бизнеса. И возглавил фирму, объединяющую в себе производство, торговый отдел и филиалы – раззудись плечо, размахнись рука, – было тут где размахнуться. И он вник в специфику работы, во все, кроме собственно коллектива. Это ошибка. Но хотя бы не непоправимая.

Если бы он не развелся, то сейчас покорно ждал бы рождения абсолютно чужого ребенка от совершенно чужой ему женщины. А теперь его мать считает, что он опозорил их этим скандалом. Как будто абсолютно чужая Полина ей ближе родного сына.

Он вдруг вспомнил тетю Валю, Серегину мать – как она кормила их пирожками, а Серега кланчил у нее на мороженое, и она выдавала им обоим деньги и приказывала не шляться по улицам, иначе не миновать им порки. Она и его, Егора, постоянно грозилась выпороть, хотя никогда в жизни пальцем никого не тронула и сердиться долго не умела. И было в их доме счастье и тепло, и тетя Валя, уютная и улыбочивая, с обожанием глядящая на своего сына – как же он тогда завидовал Сереге, он иногда представлял, что тетя Валя и его мать тоже. Но он знал, что это не так. Ложь, таящаяся в его мечтах, еще сильнее подчеркивала холод, царящий в его жизни. Он убегал от этого холода, закапывался в работу, неистово совершенствуясь в профессии, но через какое-то время холодный голос в трубке приказывал ему, и он повиновался.

– Все, больше этого не будет.

Мать умела находить кнопки, нажимая на которые, она с легкостью добивалась от него того, чего ей хотелось. Она словно удавку затягивала на его горле: потянет – отпустит, чтобы дать ему сделать вдох, а то и понадеяться, что дальше все будет хорошо, и снова затянуть, как раз в тот момент, когда он решил, что соскочил с крючка. И после двух месяцев в Александровске Егор знал, что она позвонит, потому что удавка ослабела настолько, что он решил – все, жизнь как-то можно наладить.

– И ведь знаю ее, хорошо знаю. – Егор снова поднялся и пошел в гостиную. – Черт, что я здесь забыл?

Совсем измучившись, он открыл компьютер. Форум засветился знакомой заставкой, Большой Брат в главном разделе доказывал остальным, что они не правы и метафизика – просто измышления для незрелых умов, а остальные соглашались и не соглашались, Стая тоже была здесь – и Егор совсем уж собрался ввязаться в спор, но потом подумал: а смысл? Все эти вопросы волновали граждан и двести, и две тысячи лет назад, и ничего нового они не изобретут, разве что переругаются, дело просто в подходе. Когда-то отрицание существования Бога вело на костер, потом утверждение существования Егор же вело примерно к тем же результатам, и люди самозабвенно дрались вокруг этой темы, а сейчас драки просто переползли в вирт, там как-то проще, но суть дела не меняется. Люди живут и умирают, а вопрос остается открытым.

Закрыв компьютер, Егор решил немного прогуляться. Еще не так поздно, одиннадцатый час, можно походить, успокоиться, посидеть в кафе, выпить какао с тортом. Снотворного больше не будет, хватит. Даже бутылочку выбрасывать не станет, пусть стоит в шкафчике, где стояла, он просто не будет больше его принимать, и все.

Егор натянул джинсы, достал из шкафа теплую короткую куртку и, накрутив на шею шарф, вышел, оставив в передней свет небольшого бра над столиком для ключей.

Мартовская ночь ударила его холодным ветром, но в голове прояснилось, и Егор зашагал по улице, ища открытое кафе. Их оказалось достаточно много, молодежь входила и выходила, и народу на улице было вполне приличное количество, что удивило Егора. Он уже не помнил, когда вот так гулял, сидел в кафе, сжимая в руках кружку горячего какао. Сейчас он чувствовал, как напряжение отпускает его – в этой толпе молодых веселых людей он тоже нашел

себе местечко. Арт-кафе «Маленький Париж» привлекло его фигурой забавного кота на входе, он спустился в полуподвал, минуя кованую решетку и выложенные камнями стены коридора. Внутри царил полумрак, кто-то играл на рояле. Егор высмотрел себе местечко в уголке, официантка подала ему кожаную книжечку меню.

– Не надо, – шепотом остановил он ее. – Большую чашку какао и кусок торта с кремом, по вашему выбору.

Официантка кивнула и исчезла. Рояль на небольшой сцене наполнял помещение энергетикой музыки Баха, величественные звуки, написанные для органа, в исполнении рояля звучали скорбно и надломленно. Егор представить себе не мог, что это можно играть на рояле, но мелодия звучала, ее величественные аккорды наполняли душу светлой печалью. Егор ощутил внутри себя пустоту – и понял, что пустота была всегда, у него и шанса нет чем-то ее заполнить. А пианист, похоже, слился с музыкой и плакал вместе с ней. Егор вдруг понял, почему он не прыгнул сегодня и не прыгнет никогда. Он ни за что не хочет пропустить жизнь, которую у него появился шанс построить. Удавка больше не сжимает его горло. Она еще вьется змеей вокруг шеи, но он и раньше мог сбросить ее, почему же не сбросил? Это был его выбор. А он думал, что выбора у него нет.

Официантка поставила перед ним большую чашку обжигающего какао, пахнущего тропиками, и тарелочку с куском шоколадного торта, выглядящим так аппетитно, что у Егора слюнки потекли. Он сжал чашку в руках – все-таки холодно на улице, а какао согреет его. И люди, которые здесь сидят, слушая последние аккорды Токкаты ре-минор, чувствуют каждый свое. И не лгут сейчас. Не могут лгать, когда звучит Бах.

Целую минуту в зале царила тишина, отзвуки музыки еще трепетали в натянутом, как струна, пространстве кафе. Потом кто-то захлопал, и все подхватили, и Егор тоже аплодировал неизвестному пианисту, которого видел только со спины. Но вот пианист встал, и Егор едва не уронил чашку.

От рояля поднялась Шатохина. В линялых джинсах и в черной куртке, с волосами, небрежно собранными в хвост. Шатохина, которую он почти ненавидел, подозревая невесть в чем.

Егор знал – она его не видит.

– Инна, ты сегодня просто наизнанку меня вывернула. – Высокий плечистый мужик подал руку, Шатохина приняла ее, прыгнула со сцены. – Это... невероятно. Садись к нам, угощу тебя соком, я давно тебя не видел.

– Нет, Толик, я домой. Устала зверски, а завтра корпоратив идиотский, надо присутствовать. Это я так... захотелось чего-то. Люблю это место.

– И правда, место хорошее, и люди тоже.

– Люди везде хорошие. – Шатохина улыбнулась. – Я очень мало встречала в жизни плохих людей. Ладно, пойду я.

Кто-то еще окликнул ее, и она подошла, присела за столик, кто-то ее о чем-то спросил, а Егор, поспешно допив какао и расправившись с тортом, оплатил счет и вышел из кафе. Не хватало, чтобы Шатохина заметила его.

Он ступил на дорожку, сделал несколько шагов, чтобы перейти на другую сторону, и нога его в момент промокла – глубокая лужа, замаскированная темнотой и мокрым снегом, кто же мог знать, что здесь такая ямища! Егор, чертыхнувшись, отскочил, пытаясь отряхнуть ногу от мокрого снега – движение чисто инстинктивное, машина выскочила невесть откуда, рванула к нему, и Егор понял, что не успеет... Но его дернули в сторону, и, падая, он понял – успел.

– Ты что, чувак, смерти ищешь?!

Егор повернул голову.

– Ой! Егор Алексеевич... Извините, не признала.

На него непроницаемым взглядом смотрела Инна Шатохина.

– Давайте-ка, поднимайтесь, босс.

Он с трудом поднялся, опираясь на ее руки. Падая, он неслабо ударился коленом и промок насквозь, холод уже пробрался сквозь промокшие джинсы и куртку.

– До дома вы дойдете как раз для того, чтобы умереть от пневмонии. – Шатохина оглядела его со всех сторон. – И штаны порвали... ладно.

Она потащила его куда-то, Егор покорно шел следом и думал о том, что снова попал на крючок бабе, любящей командовать. Тем временем Шатохина нахлобучила ему на голову мотоциклетный шлем и скомандовала:

– Садитесь и держитесь крепко.

Держаться, кроме как за нее, было не за что, и Егор, вспомнив девушку из супермаркета, обхватил Шатохину руками. Мотоцикл рванул вперед, и Егор закрыл глаза от ужаса – ему казалось, что сейчас они перевернутся и полетят кубарем прямо под колеса автомобилей... но нет, мотоцикл остановился, и голос Шатохиной скомандовал:

– Выгружайтесь.

Разжав руки, Егор слез с мотоцикла и снял шлем.

– Вам бы, Егор Алексеевич, ванну горячую – и спать.

– Спасибо, Инна Кирилловна. Я не знаю, как это могло случиться. Только что стоял – а тут этот несется, совсем с ума посходили, так ездить может только сумасшедший.

– Или тот, кто хочет убить. – Шатохина прикрепила шлем к мотоциклу. – Он рванул с места как раз тогда, когда вы на дорогу ступили. По моему мнению, если оно для вас хоть что-то значит, он собирался вас убить. Кому-то вы крепко насолили.

Егор хотел возразить, но музыка звучала в его голове до сих пор – не лгать, не лгать ни в чем! – и как солгать себе?

– Вы правы. Похоже, вы совершенно правы, Инна Кирилловна.

– Тогда позвольте, я провожу вас до квартиры.

– Но...

– Егор Алексеевич, ваш мачизм оставьте для влюбленных дурочек из отдела логистики. Вас только что хотел убить какой-то неизвестный гражданин. Он ведь может и еще раз попытаться?

– И вы собираетесь меня защитить? – Егор словно издали слышит свой нервный смешок. – Я, конечно, не Рэмбо, но...

– Тот, кто напал на вас, возможно, постесняется убивать с вами за компанию и меня тоже. Идемте. Не бойтесь, я буду держать себя в руках. Безусловно, вы очень эротично выглядите в распоротых штанах и промокшей от грязи куртке, но я привыкла смирять свою плоть.

– Вы... шутите?

– Ага. – Шатохина фыркнула. – А что, так сильно заметно? Вот, блин...

Егор, совершенно сбитый с толку, сказал номер квартиры и покорно поплелся за Шатохиной к подъезду. Мысль о том, что его только что пытались убить, была настолько дикой, что вообще не варилась в голове. Кому могло понадобиться убивать его, зачем – а главное, за что?

– Все, Егор Алексеевич, вот ваша дверь, открывайте и входите.

Егор пытался попасть ключом в замочную скважину, но руки его не слушались, и Шатохина, отобрав у него ключ, сама открыла замок.

– Свет вы оставляли?

– Да, не люблю возвращаться в темноту.

– Доброй ночи, Егор Алексеевич.

Шатохина бросила ключ на столик и, кивнув ему, побежала вниз по ступенькам, а Егор тщательно запер дверь и прислушался. На улице взревел мотор, и, удаляясь, затих. И снова пришла Токката ре-минор.

* * *

«Маи, ты готова на завтра?»

«Не знаю. Как мне с ним заговорить?»

«Расскажи ему что-нибудь. Вот, придумала – расскажи, что год назад случилось. Наши курицы ему не говорили, я уверена – а ты все выложи, пусть видит, что ты ему доверяешь, мужики это любят».

«Не знаю. Давай я тебе перезвоню».

«Не надо, мои спят уже. Я завтра буду на складе до начала мероприятия, так что обдумай все».

«Ты уверена, что та старая история годится?»

«Конечно. Ты его заинтересуешь, дашь ему пищу для ума и покажешь, что тебе можно доверять».

«Ладно, убедила. Я к тебе на склад забегу?»

«Не надо, Рубахина со мной будет, встретимся на празднике, споки».

3

«Ты что-то слышала? Почему не сказала раньше? Фотография два дня уже висит!»

«Ты о чем вообще? Какая фотография?»

«О твоём вчерашнем письме. Я приду к тебе, ты у себя?»

«Никакого письма я тебе вчера не присылала, что ты несешь. Не надо ко мне приходить, не хватало еще слухов».

«В своих «Отправленных» посмотри, что ты мне тут рассказываешь – не присылала она. Налакалась вчера небось до зеленых чебурашек снова?»

* * *

– Егор Алексеевич, можно вас пригласить?

Маленькая, очень стройная, одетая в открытое красное платье, с ногами-спичками, втиснутыми в ярко-красные туфли на ужасающих каблуках. Егор с сожалением отметил смертельно перетянутую талию и поднятую корсетом хилую грудь. Видимо, по замыслу автора проекта дама должна сражать всех наповал, но все выгодные ракурсы товара слишком откровенно демонстрировались, и это настораживало.

– Боюсь, что нет. Вчера поскользнулся, упал, ударил колено – теперь с танцами не сложится еще пару недель.

– Оооо, так жаль! – Она состроила скорбную гримаску. – Что ж вы так неосторожны?

– Снег тает, скользко, обычное дело. – Пожалуй, глаза у нее излишне ярко окрашены, а ресницы явно накладные. И толстый слой тонального крема – руки оторвать тому, кто готовил ее к продаже. – Но я с удовольствием посмотрю, как пляшут другие. Сегодня же ваш праздник, не мой.

Это должно звучать как смягченный вариант «Отстань!», и для любого нормального человека это так и прозвучало бы, но девица, похоже, сдаваться не собиралась.

– Налъете мне шампанского?

– Конечно.

Егор взял у нее из рук пустой бокал и наполнил его шипучкой из темной тяжелой бутылки, холодной от тающего в ведерке льда. Надо же – нашли ведерки для льда. Обычно

на таких мероприятиях не обращают внимания на температуру напитков. Кто-то из сотрудников знает толк в сервировке стола.

– Жаль, что вы с нами на Новый год не были. – Девушка в красном платье, что называется, «поплыла». – Тогда еще Руслан Викторович у нас директором был. До того, как все произошло... мы долго опомниться не могли, такой человек замечательный, и вдруг так ужасно погиб! Но праздник тогда был грандиозный! А в прошлом году, как раз тоже на 8 Марта, Верка наклюкалась и принялась стриптиз исполнять... ну, да, вы ее не знаете, ее нет уже, не то уволилась, не то – не знаю... Такая история получилась, просто детектив! Вы не знаете?

– Нет, впервые слышу.

– Я расскажу, вы просто не поверите. А сегодня у нас вообще только первый праздник после той истории с Веркой, такая несправедливость, мы почти год дни рождения не отмечали, ничего. Ну а Новый год, конечно – святое дело, и так весело было, надо же, такая беда с Русланом Викторовичем случилась, а я...

– О какой истории вы говорите? Простите, как вас...

– Я Маша Данилова из отдела логистики. А история жуткая получилась, с Веркой сначала, а потом с Русланом Викторовичем, разве вы не в курсе?

– Нет. Пожалуй, я пойду. Надо в кабинет заглянуть, почту проверить.

Егор понимал, что позорно убегает, но все заняты чем-то своим, и можно было просто уйти, если бы не Маша Данилова из отдела логистики, которая вцепилась в него мертвой хваткой, набитая дура. Егор с трудом подавил желание отцепить пальцы Маши от своего рукава, но она семенила за ним на своих каблучках через весь зал, и сотрудники могли подумать невеста что.

– Маш, потанцуем?

Это Дима, сисадмин – молодой, очень деловой мужик, немного странный, как все компьютерщики. Он высокий, плотный, с темными кудрявыми волосами.

– Но я...

– Идем, Машута, потанцуем, ты сегодня просто сногсшибательно выглядишь. Вы позволите, Егор Алексеевич?

– Конечно.

Дима потащил ошарашенную девушку танцевать, и Егор вздохнул с облегчением – ему совершенно не хотелось стать предметом сплетен и пересудов.

– Вы уж простите, что я за вас решила, мне отчего-то кажется, что вам совсем ни к чему очутиться в центре какой-нибудь офисной Санта-Барбары.

Егор обернулся. Шатохина смотрела на него, держа в руке стакан с каким-то темным напитком, по виду напоминающим ром. Потом он понял – это просто кока-кола, пузырьки на стенках стакана выдают ее с головой, если так можно сказать о напитке. Шатохина, видимо, не пьет спиртного. И это она попросила Диму спасти его из цепких лап искательницы выгодного мужа Маши Даниловой. Из отдела логистики, да.

– Не беспокойтесь, Егор Алексеевич, Дима умеет справляться с такими дамами. – Шатохина тонко улыбнулась. – Судя по всему, на вас объявлен сезон охоты. Идите к нам, у нас с Федькой отдельный столик, иначе эти пираньи вас в покое не оставят, пока не обглодают до костей, а к нам они не сунутся.

– Собственно, я...

– Если вы сейчас уйдете, это будет выглядеть капитуляцией и побегом. А минут через двадцать никто вашего ухода вообще не заметит.

Конечно, она права. Егор понимал это, как и то, что сейчас Шатохина – его спасательный круг, и покорно пошел за ней. Столик юристов стоял немного в стороне, Федор уже принес ему стул и чистые приборы.

– Егор Алексеевич, присаживайтесь с нами. – Федор налил ему в стакан кока-колы. – Выпьем за наших прекрасных женщин. И за тебя, Инна, – как чистейшей прелести чистейший образец.

– Милый мальчик. – Шатохина улыбнулась, глядя на Федора. Егор снова удивился – она улыбается так, как улыбалась тетя Валя, глядя на своего любимого Сережку. – За всех женщин выпьем. Нам живется на свете очень непросто.

Они выпили холодный шипучий напиток, Федор положил Егору на тарелку бутерброд и какой-то салат. В зале зазвучала веселая мелодия, и пары задержались в такт. Егор никогда не понимал этого веселья с танцами, он вообще не понимал, зачем люди выставляют себя на посмешище, производя нелепые телодвижения. Возможно, они не знают, как глупо при этом выглядят?

– А вы не танцуете? – Егор избегал смотреть на Шатохину, но задавать вопрос одному Федору как-то невежливо, потому он просто спросил, глядя в зал.

– Нет, мы с Инной Кирилловной не танцуем. – Федор снова отхлебнул из стакана. – Не тот здесь коллектив, чтобы расслабляться, а танцы дело такое... очень интимное. Потому на всех корпоративах мы сидим здесь и поддерживаем сотрудников морально до тех пор, пока не понимаем, что можем уйти без ущерба для общественной нравственности.

– То есть?

– Да ладно, Егор Алексеевич. – Федор ухмыльнулся. – Какого рода здесь коллектив, вы же знаете. А уж сплетничать любят – просто спасу нет. Нас вот с Инной тоже сначала уложили в койку, потом, правда, разобрались что к чему, отстали. Но всякое сначала было: и хихиканье за спиной, и откровенное хамство трамвайное – это уж Шаповалова старалась, конечно. Но Инна Кирилловна умеет всех держать на расстоянии, я за ней в этом вопросе как за каменной стеной.

– Да? Вот не знал, что в коллективе есть проблемы с общением.

– Ну, это понятно. Вы очень старались ничего не видеть. – Шатохина пододвинула ему тарелку с бутербродами. – Съешьте, очень свежее мясо, и прожарено хорошо.

Егор послушно взял бутерброд. Шатохина права, мясо оказалось неожиданно вкусным, еще и лист салата, кружок помидора и немного соуса – отличный бутерброд.

– А что это за история с прежним директором? Что-то не так с его смертью? Девушка порывалась мне рассказать, но я решил, что...

– Странная история. – Шатохина рассматривала танцующие пары. – Мы отмечали Новый год, толпа была большая – сотрудники, часть клиентов пригласили, костюмированная вечеринка, только мы с Феденькой пришли как есть, мы в этих затеях принципиально не участвуем. Ну, повеселились все знатно, уж не знаю, до которого часа гудели, мы-то раньше ушли. А наутро нашли Руслана Викторовича лежащим на стеклянной крыше большого зала заседаний – он упал каким-то образом с высоты крыши. Он, знаете ли, курильщик был заядлый, постоянно курить туда ходил. Так что вполне можно сказать, что убил его никотин. В общем, неприятность. А разве вы не знали?

– Нет, я знал, что он скоропостижно скончался, но что такая история – понятия не имел, даже в голову не приходило... Жуть какая-то.

– Да, неприятно было. Кровь долго отмыть не могли, она же в лед превратилась, морозы тогда стояли...

Это бессердечное замечание совсем не удивило Егора. Оно вполне в духе Шатохиной – той, какую он знал почти два месяца. Но не той, которую узнал вчера. Теперь она его не раздражала своим присутствием и своими манерами. Наоборот, он вдруг поймал себя на том, что почувствовал себя спокойно впервые за весь вечер.

– Может, уже пойдем? – Федор вопросительно смотрит на Шатохину. – Все, похоже, надрались, никто внимания не обратит.

– Пожалуй, ты прав. Куда поедем?

– К тебе, у тебя кот.

– Идет. – Шатохина взглянула на Егора. – Едем, что ли?

Спросила так, словно это вопрос уже решенный, и Егор не удивился тому, что покорно поднялся и пошел за Шатохиной, за ним осторожно ступал Федор, и они пробирались к двери зала сквозь толпу танцующих людей, разгоряченных выпивкой и возбуждением. Остаться здесь без этих двоих казалось Егору самоубийством. Толпа незнакомцев, какие-то женщины, смех, резкие возбужденные голоса, запах духов, мяса, алкоголя и табачного дыма, откуда-то тянуло холодом – открыли окно. Егор поежился и, сделав сложный маневр при обгоне высокой женщины в синем платье, выскочил в коридор вслед за Шатохиной, моментально отрезав себя от звуков и запахов.

Взяв пальто, он вышел из кабинета, привычно заперев дверь. Шатохина и Федор ждали его около лифта. Егор отчего-то боялся, что они уехали без него, и то, что они ждали, его обрадовало. Лифт скользнул вниз, как в бездну, Егор поежился, представив высоту шахты, двенадцать этажей, это напрягло. Но лифт благополучно доставил их вниз, они вышли, охранник на входе посмотрел в их сторону и снова уткнулся в журнал. Егору очень захотелось скорее оказаться на улице, подальше от шумной толпы наверху.

– Шапка где?!

Егор вздрогнул, но вопрос, похоже, адресовался Федору.

– В кармане.

– Давно ухо болело?

Федор, вздохнув, вынул из кармана вязаную шапочку и надел. Видимо, не спорить с Шатохиной в подобных вопросах он уже привык.

– Что за дети бестолковые... скажут по холоду без шапок, потом уши у них болят...

– Ин, ну чего ты.

– Феденька, тысячу раз говорено насчет головного убора.

Егор понял, что эти двое давно привыкли общаться именно так. Федор моложе Шатохиной на десять лет, но она обращается с ним как мать с ребенком. Заботливая мать, а не такая, которая хочет втоптать своего ребенка в грязь. И вот это «Феденька» – привычное у них. Тем не менее они крепко дружат, и есть у них свои дружеские ритуалы, как, например, вот этот – уйти с корпоратива и вместе куда-то завалиться.

– Вы сегодня на такси приехали, Егор Алексеевич?

– Да. Подумал – мало ли, придется выпить. А вы...

– А я на машине, все знают, что мы с Феденькой не пьем. – Шатохина шелкнула брелоком, и синяя «Мазда» подмигнула ей фарами. – Замерзла, моя девочка любимая! Сейчас я тебя отведу домой, там тепло, отогреешься. Садитесь, чего встали?

Федор привычно занял переднее сиденье, Егор уселся позади него. Заурчал двигатель, Шатохина дала ему прогреться и вырулила со стоянки. Мимо ряда машин, мимо окон первого этажа – или стеклянных стен, теперь не понять, окна, стены, – все смешивают в кучу, здание многоуровневое, сооруженное безумным архитектором, любителем аквариумов.

Что-то тяжело упало перед машиной, Шатохина едва успела затормозить. Свалилось что-то большое.

– Черт меня подери!

Это Егору с заднего сиденья не видно, что упало, а Шатохиной и Федору все сразу стало понятно. Егор вышел из машины, подавляя тошноту. В метре от капота, расплескавшись красным по мостовой, лежала девушка. Судя по платью, Маша Данилова из отдела логистики.

– Твою мать.

Шатохина достала из сумочки телефон и набрала номер.

– Денис.

Что-то недовольно заурчало в трубке, голос был явно не рад позднему звонку.

– У нас тут снова. Нет, женщина. Прямо перед капотом, еще чуть-чуть, и прощай моя машинка. Пришлось бы стекло менять и капот, а то и крышу. И отмой потом попробуй. Я здесь. Нет, конечно, никуда не уйду, хотя планы на вечер были. Ага, с Федькой.

Закончив разговор, Шатохина деловито сделала несколько снимков тела с разных ракурсов и спрятала телефон в золотистый чехол.

– Это... зачем?

– Егор Алексеевич, дело может обернуться по-всякому, и нам могут понадобиться фотографии. Наш шеф службы безопасности будет недоволен, если не получит всей информации. Кстати. Федюша, звони Сорокину.

– Нет, пусть Егор Алексеевич звонит. По старшинству. Чтоб не спросили потом, чего это нам сотрудник звонит, а не директор. А так он как бы включится с первых минут.

– Правильно мыслишь. – Шатохина взглянула Егору в глаза. – Не паникуйте, босс. Звоните Сорокину прямо сейчас.

Егор достал телефон. Федор, безусловно, прав, ему нужно немедленно доложить о происшествии. Потом, похоже, придется вернуться в офис. А ведь все только пошло на лад, и впереди маячил приятный вечер.

– Полиция скоро будет, залезайте в машину, незачем мерзнуть.

В салоне работала печка, и Егор, уже изрядно продрогший, откинулся на спинку сиденья, стараясь согреться.

– Что думаешь? – Шатохина посмотрела на Федора. – Сама, или случайно?

– Ни то ни другое. – Федор наклонился вперед, чтобы увидеть крышу здания. – Если бы случайно, то упала бы, как Попов, на крышу зала заседаний, отвесно вниз. Если бы сама, то оттолкнулась бы, в аккурат на угол крыши угодила бы, на стык. А ее словно выбросил кто-то. Но кто мог это сделать?

– Кто угодно мог, в ней весу сорок килограммов с туфлями. – Шатохина вздохнула. – Надо было сразу уезжать.

– Тогда бы нас из дому выдернули. – Федор покачал головой. – Скверная история, а главное – вряд ли полиция кого-то найдет.

– Ага, скверная. И, скорее всего, ты прав, полиция опять ничего не выяснит, только зря будут под ногами путаться.

– То-то Дэн недовольный был.

– Ага. Я его из постели вытащила. В прямом смысле слова. – Шатохина хихикнула. – Вот уж его пассив мне спасибо скажет.

Егор слушал их неспешный разговор и не мог понять, как эти двое могут оставаться такими отстраненно-спокойными. Словно и нет перед капотом жуткого месива из костей, мозга и крови, которое еще несколько минут назад было живой девушкой – смешной, несурзкой, глуповатой, но совершенно не заслужившей такой смерти.

– То есть ты думаешь, что ее кто-то убил? – Федор задумчиво смотрел в темноту. – Но кому она могла помешать? Я шапочко ее знал, обычная пустышка, озабоченная поисками богатого мужа. За что ее можно было ненавидеть так, чтобы убить, да еще таким экзотическим способом?

– Феденька, суть практически каждого умышленного убийства одинакова. Их совершают потому, что кто-то кому-то мешает. Узнаем, кому мешала эта дурочка, – пойдем, кто убийца. Ну, если теоретически предположить, что мы с тобой занимались бы расследованием. А мы с тобой просто корпоративные юристы, и расследовать это дело не будем. Да оно нам и ни к чему.

– Что значит – ни к чему? – Федор покосился на шефа, замершего на заднем сиденье. – У нас в офисе будет сидеть убийца. Рядом с нами.

– Федь, у нас отдельный кабинет, уймись. – Шатохина фыркнула, заметно раздражаясь. – Никто нам не позволит соваться в расследование, тем более что вполне может оказаться, что у убийцы и предсмертная записка припасена, мусора ее прочитают и дальше копать не будут. То, что это убийство, очевидно нам с тобой, а полиции очередной висяк ни к чему. Тогда ведь придется признать, что смерть Попова в декабре, вполне возможно, тоже была не случайной.

– Это да... Такой падеж поголовья сотрудников сложно назвать случайностью.

– Но именно эта версия в интересах полиции, сам же понимаешь.

Они разговаривали так, словно Егора не было в машине. Он вдруг понял, что произошедшее тоже потрясло их, иначе они никогда бы не позволили постороннему услышать разговоры, которые они ведут наедине, сняв маски. Вот такие они и есть – умные, безжалостные, все замечающие и не имеющие ни малейших иллюзий.

– Я думаю, убили ее до падения, возможно, вообще в другом месте, а падала она уже мертвая. Или была без сознания. – Шатохина задумчиво погладила руль. – Может, убили на крыше или в одном из кабинетов – ударили чем-то, например, а потом сбросили. Мне кажется, все-таки на крыше. Рисковать, перетаскивая тело в офисе, полном народу, никто бы не стал. Я думаю, кто-то выманил ее на крышу и там убил или оглушил, решив, что эти раны будут неотличимы от повреждений, полученных при падении.

– Почему?! – Егор даже поежился от Инниного предположения. – С чего вы сделали такие выводы?

– Егор Алексеевич, это очевидно. – Шатохина устало прикрыла глаза. – Она падала молча. Либо была без сознания, либо мертва, других вариантов нет. При падении человек кричит, даже если сам прыгает, это инстинктивно, понимаете? И если все обставить как самоубийство, например, то можно сказать, что крик не был слышен из-за шума вечеринки. Никто же не мог знать, что мы уйдем раньше и станем свидетелями ее падения, а впоследствии со всей ответственностью скажем, что при этом она не издала ни звука. Один свидетель – ну, это куда ни шло, можно с натяжкой списать на глухоту, на шок, но трое! Тут уж не выйдет спустить дело на тормозах. Понимаете?

– Чего уж не понять...

– Кавалерия прибыла. – Федор вздохнул. – Как они в унисон.

И правда в унисон. Егор мысленно улыбнулся: полиция въехала на стоянку со стороны проспекта, а машина начальника службы безопасности Сорокина – со стороны объездной дорожки.

– Ну, теперь пойдет потеха, все мозги прогрызут. – Шатохина взглянула на часы. – Хотя бы через час вырваться отсюда...

– Дэн нас отпустит. – Федор протер слегка запотевшее стекло. – А вот и он.

Дверца со стороны водителя открылась, и в салон заглянул молодой темноволосый мужчина, коротко стриженный, одетый в черную короткую куртку.

– Ишь, надышали. Привет.

Он чмокнул Шатохину в щеку, пожал руку Федору и взглянул на Егора.

– Это Егор Алексеевич Казаков, наш директор. – Шатохина вздохнула. – Мы с корпоратива слиняли, решили у меня дома потусить, а тут такое...

– Хорошо, хоть на крышу или на капот она тебе не сверзилась. – Дэн протянул Егору руку. – Реутов, Денис Петрович.

Рукопожатие у него оказалось крепким, и Егор отчего-то подумал, что только такой друг и мог оказаться у Шатохиной.

– Придется выйти, Ин. Нам надо все сфотографировать, и показания снять... ну, ты же знаешь процедуру. Обещаю: много времени это не займет. Витек быстренько все запишет, и поедете, куда собирались, ведь никто из вас не причастен к возможному убийству, на момент падения тела вы находились здесь.

– То есть ты тоже понял, что она не сама прыгнула?

– Ин, а что тут понимать. Мы с тобой криминалистику у одного преподавателя изучали. Если бы она прыгнула сама или случайно упала, тело бы здесь не оказалось. Все, время дорого, выходите, только машину запри.

– Да уж запру...

Они выбрались наружу. Даром что март – лужи подмерзли, ветер холодный и колючий, срывается снег. Егор с сожалением подумал о теплом салоне машины. Отчего все паршиво-то так...

– Егор Алексеевич, что произошло?

Сорокин, крупный седоватый мужик чуть за пятьдесят, одетый в удобную серую куртку-аласку, жестом приглашает Егора отойти. Что ж, это неизбежно. И начальник службы безопасности может доставить ему куда больше неприятных минут, чем полиция. Ведь Егору совершенно нечего сказать ни о погибшей, ни о прочих членах коллектива. Он не вникал, и даже имена запомнил только тех сотрудников, с которыми контактировал непосредственно, – начальники отделов, юристы и секретарша. И если о Шатохиной у него сложилось настолько ошибочное мнение, то вполне может оказаться, что он ошибся и насчет всех остальных. Егор почувствовал себя виноватым – это его упущение.

– Вы знаете погибшую?

– Только имя – Мария Данилова, работала в отделе логистики. Больше ничего о ней не знаю, но, думаю, ее начальник, Елена Шаповалова, расскажет больше.

– Что вы видели?

– Владимир Григорьевич, а что я мог видеть? Решил уехать с вечеринки пораньше, Инна Кирилловна предложила подвезти. Мы втроем вышли из здания, пошли к машине...

– В котором часу это было?

– Не знаю... Может, в шесть. Думаю, охранник скажет точнее.

– Ладно. Дальше.

– Сели в машину, Инна Кирилловна пару минут прогрела двигатель, потом тронулись с места, проехали несколько метров – и тело упало прямо перед капотом, я сзади сидел, потому сразу даже не понял, что...

– Она кричала при падении?

– Со всей ответственностью могу сказать: нет. Если бы кричала, мы бы услышали, а тут просто внезапно – удар, Инна Кирилловна едва затормозить успела.

– Везучая... А могла и по крыше получить, хана машине была бы. Ладно, Егор Алексеевич, вам надо успокоиться, полиция возьмет у вас показания – езжайте домой, поспите, утро вечера мудренее.

– Инна Кирилловна фотографии тела сделала.

– Это хорошо, могут понадобиться.

Сорокин ободряюще тронул плечо Егора и направился в сторону Шатохиной. Они с Федором стояли рядом с Реутовым, что-то обсуждая, и по тому, как Инна держала полицейского под руку, как он касался иногда ее плеча, как она уткнулась на миг ему в грудь, а он погладил ее волосы, Егор понял – их связывает нечто большее, чем просто давняя дружба. Может, не роман, но то, что эти двое иногда бывают близки, считая это еще одной стороной их дружбы, для Егора было очевидно.

– Егор Алексеевич, я капитан Васильев, пройдемте в машину, запишу ваши показания, и поедете.

Еще один полицейский. Егор кивнул и пошел за ним. Случившееся оглушило его, он словно застыл, придавленный непоправимостью смерти, неожиданной холодной деловитостью Шатохиной и Федора, и вопреки всему – ощущением некоей общности с ними. Ему отчаянно нужно было обрести почву под ногами, нужен был кто-то, с кем можно просто помолчать

или поговорить – без лжи, без масок, без желания казаться кем-то другим. И просто работы было недостаточно, потому что пустота внутри, разросшаяся за годы его питерской жизни до размеров невероятных, не заполнялась ничем, почва под ногами была зыбкая и готовая ускользнуть в любой момент.

– Едем. – Федор тронул его за рукав. – Дальше они уже сами.

Егор направился к машине, около которой Шатохина что-то говорила Реутову, а этот Денис вдруг очень интимным движением погладил ее щеку, они быстро поцеловались, и Реутов направился к зданию, а Инна уселась за руль. Изрядно продрогший Егор с удовольствием занял свое место за задним сиденьем, расстегнув пальто. Машина тронулась, Инна аккуратно сдала назад и вырулила со стоянки.

– Ну, хоть недолго. – Федор зевнул. – Я уже проголодаться успел.

– Ты растущий организм, тебе простительно. – Шатохина засмеялась. – Дома голубцы есть, разогреешь в микроволновке, и ешь на здоровье.

– Блаженство. – Федор снова зевнул. – У Дэна новая пассия?

– Да. Он их меняет довольно быстро, я не успеваю всех запоминать. Это называется вести беспорядочную половую жизнь. Он всегда такой был, девки в нашей группе кипятком писали, глядя на него. А он чинно сядет рядом со мной, и никуда. Говорил – ну их, порвут же.

– Просто не хотел заводить роман там, где учился. Мудрое решение, я тоже так поступал. – Федор потянулся. – Черт, я устал. Пожалуй, ночевать у тебя останусь.

– Как хочешь. Я в твоей спальне с прошлого раза белье не меняла, так и знала, что без толку. А халат постирала, в шкафу висит.

– Ин, я тебя люблю.

– Я знаю. – Шатохина скептически хмыкнула. – Все, приехали, вытряхивайтесь. Федюня, открой гараж.

Егор и сам не понимал, зачем он сюда приехал. Это чужие люди, у них сложившаяся жизнь, дружеские, почти родственные отношения, он здесь лишний. Но его позвали – и он поехал, потому что очень хотел поехать, потому что невыносимо было снова идти в пустую квартиру, где он мог только лечь спать, и душная тьма, подкравшись к нему со всех сторон, отогнала бы все сны. Уехав из Питера, он потерял себя – или, может, это сам город заполнял пустоту внутри, но в тридцать семь лет быть в близких отношениях только с городом, а стабильные дружеские отношения найти только на форуме – это, наверное, неправильно. Он привык прятаться, потому что весь его жизненный опыт говорил в пользу этого.

Гараж оказался большой, на три машины. В углу стоял мотоцикл, рядом на полке несколько шлемов. Шатохина въехала внутрь, они с Федором закрыли ворота, и тот задвинул засов изнутри. Видно было, что это привычные действия, автоматические, и Егор снова про себя удивился – неужели возможно построить такие отношения? Без постели, даже без намека на флирт? Когда люди доверяют друг другу всецело.

В другой стене гаража оказалась небольшая дверь, ведущая во двор. Они прошли вдоль стены большого каменного дома и поднялись на крыльцо, где горел фонарь. Шатохина вытащила из сумки связку ключей, щелкнули замки.

– И где же моя прелесть?

Голос ее вдруг стал шелковистым, нежно-тягучим и мягким. Она шагнула в переднюю – скорее, в небольшую комнату, из которой лестница вела на второй этаж. Сбросив на пол шубку, сняв сапожки, хозяйка прошла дальше, зажигая свет.

– Ну, и где же, где мое золотце?

Шуршание лап стало ей ответом.

Егор замер. По лестнице спускался небольшой леопард. Или ягуар. Или гепард. Или... ну, нет, это не пантера, не тигр, не...

– Это Патрик. – Шатохина села на ступеньку, и ягуар немедленно поставил лапы ей на плечи и потерся мордой о ее щеку. – Он марги.

– Марги? Так это не...

– Нет, это не маленький леопард, это очень крупный марги. Или длиннохвостая американская кошка. – Шатохина обняла кота и прижала к себе. – Он не злой совсем, не бойтесь, не тронет. Просто он крупноват для марги, но это бывает. Возможно, одна из его бабушек согрешила с оцелотом, такие пары иногда могут давать потомство, и, возможно, именно потому Патрик немного великоват для своей породы, но характер у него очень мирный.

Федор уже разулся и, подобрав шубку хозяйки дома, куда-то ее унес.

– Егор Алексеевич, пальто можно повесить в шкаф.

Дом казался очень большим – деревянные панели, пол из какого-то теплого камня, встроенный шкаф – не ДСП, а настоящий дуб. Откуда у нее может быть такой дом?

– Идем, руки помоем. – Федор уже вернулся, куда-то пристроив свою куртку и шубку Инны. – Они сейчас будут тискаться, а я жрать хочу зверски.

Шатохина и Патрик действительно тискались. Яркий окрас зверя был настолько необычен, а мордочка такая хищная, что Егор ни за что на свете не решился бы погладить это красивое создание. А Шатохина прижимала его к себе, вознося ему хвалы, и кот довольно урчал и терся усатой мордой об ее руки.

– К сожалению, попал он ко мне уже стерилизованным. – Шатохина вздохнула и снова прижала кота к себе. – Какая-то скотина поиздевалась над ним и выбросила.

– Как это?

– Очень просто. – Шатохина нахмурилась. – Сейчас многие заводят себе экзотических зверей. Ну, вот и Патрика, видимо, кто-то привез сюда, думал, что он во дворе будет жить. А марги не выносят холода, и поскольку они достаточно крупные и со специфическими привычками, в доме держать его станет не всякий.

– Специфические привычки?!

– Посмотрите вверх.

Егор поднял взгляд. Вдоль верхнего края стен были проложены толстые деревянные перекладины, создающие отдельное пространство под потолком. Сразу стало понятно, что хозяйка дома интересы своего питомца явно ставит превыше красоты интерьера и целостности дорогих стеновых панелей.

– Вот это – по всему дому, включая чердак. Плевать на эстетику, Патрик никого не просил вырывать его из естественной среды и привозить в наши широты, где он не может жить на воле большую часть года. Он умирает на холоде, понимаете? Но вместе с тем марги – ночной охотник, причем охотится практически всегда на вершинах деревьев. Ему нужно лазать, обязательно, иначе он погибнет. Он может висеть вниз головой, держась за ветку задними лапами – единственный из кошачьих, кто это умеет, лапы у него так устроены, что висеть можно даже часами, ожидая добычу. Я подобрала его в прошлом году в начале октября, на парковке около «Восторга» – видимо, его привезли и выбросили. Ему месяца четыре было, и он умирал. Я отвезла его в ветклинику, там мы боролись за него почти месяц, но он все-таки выкарабкался. Кошки гораздо хуже поддаются лечению, чем остальные животные, но Патрик – настоящий боец. Кто-то искалечил его, это я уже исправить не могу, но я могу его любить и заботиться о нем, и я его люблю.

Кот, словно понимая, что речь о нем, ткнулся головой в ладонь хозяйки.

– Красавец. Никогда не видел подобного.

– Да, марги – прекраснейшие из кошек. Просто они живут в тропиках, и здесь ему не место. Но выпустить его на волю, поехав в тропики, я не могу – стерилизованный и прирученный, он там не выживет. А потому я, как могу, делаю его жизнь если не счастливой, то хотя бы сносной. Я очень надеюсь на то, что ему не совсем плохо у меня.

– И он целый день дома один?

– Он не слишком зависим от компании, так же, как и большинство кошек. Он ночной житель, охотник, и днем в основном спит – ему не надо охотиться, он всегда сыт, а потому может позволить себе спать столько, сколько требуется, чтобы быть здоровым. Кошкам надо потреблять много белковой пищи, чтобы спать. Ну а почти все вечера и ночи мы проводим вместе. Начиная с апреля все лето и весь сентябрь – я его гулять вывожу, он даже охотится. Все, хватит болтовни, ступайте в столовую, я скоро приду.

Шатохина встала и пошла вверх по лестнице, кот тенью метнулся за ней.

4

– Купер, ты ок?

– Да, вполне. Тут случилось кое-что, я пропаду на некоторое время. Скажи нашим, что жив-здоров.

– Скажу. Стая говорит, если помощь нужна – сразу зови.

– Спасибо, Сань. Скажи, что я скучаю.

– Мы тоже скучаем по тебе, Купер. Возвращайся.

* * *

– Федь, это сделал кто-то из своих.

Егор молча пьет чай и слушает затянувшийся спор. Кот сидит под потолком – скорее даже возлежит на толстом бревне, словно выросшем из стены. Как и говорила Шатохина, лазать Патрик очень любит. Сейчас он шурится и прислушивается к разговорам, и Егору кажется, что кот понимает каждое слово.

– Я это понимаю, но ума не приложу, кому она мешала. – Федор встает и подходит к окну. – Она работала в отделе логистики, занималась маршрутами на своем направлении. То есть с деньгами связана не была, всеми финансами заведует Шаповалова.

– Кстати, та еще сука. – Инна посмотрела на кота и послала ему воздушный поцелуй. – Шаповалова все финансовые операции с перевозчиками замкнула на себе. То, что она там что-то мутит – к гадалке не ходи, если нанять толкового аналитика, он в два счета все выяснит. Но вряд ли убийство – дело рук Шаповаловой, тут что-то личное. Такое убийство – это не моментальный порыв, тут другое. Кто-то готовился, продумывал план, кто-то, кого эта девушка знала, и он не вызывал у нее подозрений. С кем она спокойно пошла на крышу, как ходила, возможно, не раз.

– Не раз? – Егор вспомнил вчерашний подслушанный разговор. – Не раз...

– Егор Алексеевич, вы что-то вспомнили?

– Я не знаю, Инна. Может, это совсем не важно.

– Но вы все равно скажите нам.

У Шатохиной зазвонил сотовый в кармане. Егор перевел дух – он совсем не хотел рассказывать о том, что случайно подслушал разговор двух девиц на крыше.

– Приезжай. – Инна отложила телефон. – Федь, там голубцы остались? Дэн придет злой и голодный. Так что вы там видели, Егор Алексеевич?

– Я вчера вышел на крышу подышать. Я не видел девушек, они были с другой стороны воздуховода. И вот одна, Соня, говорила этой... Маше... чтобы та меня охмурила. Перечислила всех, кто может попытаться сделать то же самое, и сказала... сказала, что ни у кого больше нет шансов. Потом они ушли. То есть если она дружила с этой Соней, то, возможно, именно с ней она и была?..

– Это один из вариантов. – Федор достал из холодильника кастрюлю. – Пять штук осталось, поставлю на подогрев. Завтра навертишь новых, Ин.

– Побойся бога, Федор. Завтра Восьмое марта, так что вы с Дэном попали, готовить вам придется. – Шатохина посмотрела на кота. – Да, смерть придает нашей жизни значение. Кто знал Машу Данилову до этого? А теперь ее портрет поставят в холле, завалят умирающими цветами и трижды никому не нужными плюшевыми игрушками, свечки кто-то притащит, сто пудов. Она своей смертью добилась того, чего никогда не могла добиться при жизни – внимания и сочувствия. Сожаления даже. Ведь когда Шаповалова пинала ее, или что-то не удавалось в личной жизни, эта Маша небось думала: вот возьму и умру, и тогда все они пожалеют. Будут стоять и плакать у гроба, например. И угрызаться, что не ценили. Ведь думала же она такое, каждый из нас хоть раз в жизни примерял на себя это дерьмо с гробом и венками. Как будто можно умереть временно – полежать маленько в гробике, а потом встать и жить дальше, и все будут тебя на руках носить. Я думаю, вся ее никчемная жизнь не стоила того, что дала ей смерть.

– Ин, ты чего? – Егор, сам того не замечая, вдруг перешел на «ты», настолько его потряс цинизм сказанного. – Если ее убили, это не было ее выбором.

– Да, не было. Но это не отменяет того, что я сказала. Она была типичной неудачницей: в тридцать два года ни семьи, ни образования, ни карьеры, ни стремлений к чему-то, кроме желания найти богатого мужика, который будет ее содержать и ей больше не придется работать. Но с каждым годом она становилась старше и ее шансы на рынке невест падали, а прынц все не появлялся, и вдруг такой подарок судьбы – новый директор, молодой, симпатичный и печальный. Я боюсь даже думать, какими фантазиями оброс ваш образ, Егор Алексеевич.

Она не утратила ни грамма самообладания, не назвала его по имени и на «ты», хотя Егор сделал шаг, но он начальник, и шага оказалось мало, они оба знали правила игры.

– Можете со мной на «ты» и просто по имени. Ну, в неофициальной обстановке, – предложил он.

Ни одна фраза не давалась ему так тяжело. На форуме все были на «ты», а в реале он не привык общаться с людьми, если это не касалось работы. Он вообще был необщителен, а мать постоянно подогревала в нем это отчуждение, она сумела сделать так, что то, что делает нашу жизнь приятной, прошло мимо него. Ведь он жил недостаточно хорошо. И работа его тоже недостаточно хороша. И... Все, к черту. Старая сим-карта выброшена, и это не просто перейденный Рубикон, это... почти победа.

Он любил форум за то, что там его жизнь протекала без мучительных сомнений и проблем с общением. Там все было понятно, Купера все уважали, и он сам любил Купера – даже гордился им. На форуме мать не могла его достать, она даже не подозревала, что у Егора есть форум и совсем другая жизнь, и она оказалась настоящей, его виртуальная жизнь, и Стая настоящая – кофе из клетчатого термоса и бутерброды с сыром, осенние листья в руках у девчонок и черный плащ Сани-Лунатика, и запах Питера, тоже настоящий. Это спасало его от того, что происходило в мире, где он был просто Егором. Где никто не звал его Купер, где всем было по барабану, все ли у него в порядке.

Форум дал ему то, чего у него не было ранее. Жизнь, которую он построил сам – пусть в вирте, но какая разница? Ведь он остался тем же человеком, и люди, которые прятались за никами, были настоящими – он знал их, слышал их голоса в трубке. С ними ему было просто.

И теперь ему отчего-то тоже стало просто, хотя он сидит в чужом доме с двумя незнакомцами, и он сейчас Егор, а не Купер, но ему спокойно. В последние два дня он делает то, чего никогда не делал. Мог ли он еще вчера утром подумать, что будет сидеть на кухне Шатохиной, которую всего сутки назад хотел уволить, – и чувствовать себя настолько хорошо, насколько это вообще возможно. И если начинать заполнять пустоту, вот это то, что он хотел бы иметь

в том мертвом пространстве, которым была его жизнь. Несносная Шатохина, Федор-Феденька, греющий голубцы для Дэна, и кот под потолком, экзотический и хищный.

– Инна, я собирался тебя уволить.

– Я знаю. – Шатохина смотрит на него непроницаемо, как раньше, улыбаются только уголки ее губ. – Ты меня отчего-то жутко боялся.

Да, боялся. Егор вспомнил, как постоянно боролся с собой, чтобы никто не заметил, насколько тяжело ему дается общение с людьми, которых он вынужден видеть каждый день. С клиентами – пожалуйста, они приехали и уехали, тема для разговора определена, в деле он разбирается досконально, ничего личного, кроме сувениров. Но вот те, кто претендует на большее... если человека видишь каждый день, то нужно выстраивать с ним отношения, и когда совершенно не знаешь, как это делается, проще отгородиться. Шатохина приняла эту игру, в отличие от остальных, не пыталась обойти его глухую оборону. Она была его зеркальным отражением, а он смотрел на нее и не понимал, что видит самого себя. И каждый, глядя на нее, видел свое – Федор видел добрую и душевную женщину, остальные тоже что-то видели, но есть ли хоть два человека, которые видят ее одинаково? Есть ли вообще в мире нечто, на что люди смотрят – и видят одно и то же? Ну, кроме товара на складе. Вот почему ему нравилась его работа. С товаром все всегда ясно, и если его свойства меняются, всегда понятно, почему это произошло и что делать дальше. С людьми такое почти никогда не получается. Видеть одно и то же небо – это просто наука подбирать друзей, и на форуме сообщества как раз и сбиваются в стаи по признаку того, какое небо они видят.

– Но я еще вчера днем передумал.

– Ну, и ладушки. Может, ты спать пойдешь, Егор Алексеевич? На тебе лица нет. – Инна с сочувствием посмотрела на бледного, издерганного Казакова. – Я тебе комнату покажу, идем.

Он и сам чувствовал, что с ним что-то не так, и только после слов Шатохиной осознал, что хочет спать, да так, что готов уснуть прямо здесь. Егор знал, что это может оказаться обманом, и только он примет горизонтальное положение, сон сбежит – но когда Инна взяла его за руку, он покорно пошел за ней. Пальцы у нее оказались теплыми и шелковистыми на ощупь. Кот, осторожно ступая по балкам, проследовал за ними. Поднявшись на второй этаж, Инна провела его по галерее и открыла одну из дверей. Там оказалась уютная комната с большой кроватью.

– Вон дверь, это ванная. Полотенца в шкафчике, халат и тапки тоже, ну и прочее, что положено, там найдешь. Ложись спать, на тебя смотреть страшно. Завтра выходной, отоспишься, потусим, наговоримся еще, Федор у меня, похоже, на все выходные зависнет.

– И часто он так?

– Бывает. – Инна сняла с кровати покрывало, и кот прыгнул с высоты на постель. – Патрик, звезда моя, так можно лапку сломать!

– Здесь мягко. – Егор с опаской покосился на кота. Здоровенный зверь. – Это же не на пол, на кровать-то прыгать веселей.

– В том-то и дело, что лучше на пол. Тогда лапка правильно группируется и правильно приземляется, а тут мягко, и группироваться не всегда получается, можно пострадать. Все, Егор Алексеевич, располагайся и спи.

– Твой друг приедет, а комната занята.

– В этом доме для Дэна всегда найдется койка. – Шатохина направилась к двери, кот последовал за ней. – Спите, босс. Завтра тоже будет день.

Егор прикрыл дверь и сел на кровать. Что он делает? Зачем приехал сюда, и почему у его подчиненной вообще такой дом, каким образом? Он вошел в ванную и открыл белый шкаф – там на полках лежали полотенца, на плечиках висел халат и стояли тапки, совершенно новые, в упаковке. В зеркальном шкафчике над раковиной Егор нашел несколько новых зубных щеток, одноразовые станки для бритья и прочие туалетные принадлежности. Он вдруг почувствовал, как сильно устал, ему очень хотелось принять душ, тело просило отдыха. И он чувствовал себя

спокойным, несмотря на то, что под потолком этой комнаты тоже были проложены балки – вдоль стен, и пробиты отверстия, чтобы кот мог беспрепятственно передвигаться по всему дому. Какую же надо чувствовать ответственность за жизнь и благополучие животного – красивого, редкого, несомненно, и умного, но все же животного, чтобы так перестроить ради него свой дом? И свою жизнь? И нет в этом ничего нарочитого, ничего фальшивого, ничего, что он так ненавидел и от чего бежал.

Егор разделся и встал под душ. Вода совсем расслабила его, и он, стараясь не прогнать приятное ощущение сонливости, поспешно застелил кровать бельем и упал на пахнущую чистотой простыню, с удивлением понимая, что уже спит, и только краешком мозга думал о том, что может сделать с ним во сне Патрик, когда проберется сюда. Но сон оказался сильнее страха, да и страх-то был какой-то ненастоящий – так, по привычке его навестивший, но уже потерявший интерес к своей надоевшей жертве.

Разбудил его толчок в бок. Реутов, одетый по-домашнему в джинсы и майку, растолкал Егора самым безжалостным образом. Какую-то секунду он даже не понимал, где находится, а потом вспомнил – и вчерашний офисный праздник, и тело, распластавшееся по мерзлому асфальту, и посиделки в компании Шатохиной и Федора. И Патрика вспомнил, конечно, а вот Реутов... ну да, они же его ждали.

– Слушай, тут дело такое... там Федька затеялся с готовкой и поставил мясо в духовку, надо за цветами съездить. Я не силен в этом, так что или ты за мясом присмотри, или давай со мной за цветами.

– За цветами.

Мысль о том, что ему придется остаться в этом доме наедине с мясом, Шатохиной и Патриком, показалась Егору не слишком радужной. Уж лучше он съездит за цветами с этим практически незнакомым мужиком, чем...

– У тебя три минуты, одевайся.

Реутов вышел, а Егор, чертыхнувшись, сгреб свою одежду и принялся поспешно одеваться. Реутов не мог знать, что сегодня Егор впервые за уже и не упомнить сколько лет – уснул сам, без снотворного, и проспал всю ночь как убитый.

– На проспекте Metallургов лучший цветочный рынок в городе. – Реутов вел машину по полупустым улицам. – Но я не знаю, что ей купить.

– Вы же знакомы много лет.

– Ну, да. Еще со времен института. – Реутов вздохнул. – Но я в вопросах цветов абсолютный чайник. Цацку ей купил, насчет цацек у меня сомнений нет, а цветы – не мое.

– Останови здесь, я домой забегу. Рубашку переодеть.

– Идем.

– Но...

– Слушай, Казаков. Мне Инка рассказала о том происшествии с машиной. – Реутов угрюмо посмотрел на Егора в упор. – Инка иногда бывает... ну, разная. Тут привыкнуть нужно, чтобы понять, какая она на самом деле. Но чутье у нее отменное, и если она говорит, что машина пыталась тебя сбить, значит, так оно и есть. В общем, хватит разговоров, идем.

Егор старался не думать о той машине. Слова Шатохиной о том, что его кто-то собирался убить, он не воспринял всерьез, да и кто бы воспринял? Чушь какая, кому понадобилось его убивать? Он никому не мешает, а в этом городе он практически никого не знает, кто и за что мог хотеть его убить?

Полине он оставил все, собрал собственные пожитки и уехал. Это был его способ выживания – не вступать в конфронтацию там, где на кон поставлено нечто, что вполне можно заменить или приобрести заново. Потому он просто принял предложение Сереги Маслова и приехал в Александровск, купил здесь квартиру и уезжать отсюда не намерен.

– Уютная берлога. – Реутов осмотрелся. – Пустовато, правда.

Конечно, пустовато. Ни фотографий, ни картин, книг – и то немного. Но у Егора нет в жизни людей, чьи фотографии он хотел бы видеть каждый день, а фотографии Стаи у него не было, Стая – это его тайна, Егор не хотел, чтобы мать, или Полина, или кто угодно задавали вопросы о том, кто все эти люди. И вообще он сюда приходит просто спать.

– Я купил эту квартиру в таком виде – с ремонтом и мебелью. – Егор достал из шкафа чистую майку и тонкий свитер. – Пожалуй, переоденусь полностью, подожди, я быстро.

В джинсах и короткой куртке он почувствовал себя гораздо комфортнее. Нет нужды одеваться официально, если предстоит неофициальное мероприятие вне работы.

– Так вот, я насчет той машины. – Реутов спускался по лестнице впереди, и голос его гулко отдавался в пустом подъезде. – Подумай, кто мог хотеть избавиться от тебя.

– Не знаю. – Егор начал раздражаться. – В этом городе я знаком только с сотрудниками, а там, где я жил прежде, нет никого, кто хоть что-то выгадал бы в случае моей смерти.

– А где ты жил раньше? Нет, я могу и сам выяснить, но зачем тратить время на то, что ты можешь мне сказать и так?

– Это никакой не секрет. Я родился и всю свою жизнь прожил в Питере недалеко от Литейного. В Питере закончил институт, там работал, там была семья.

– Была?

– Я не хотел бы об этом говорить.

– Слушай. – Реутов остановился у машины и повернулся к Егору. – Парень, похоже, ты ничего не понял. Инка считает, что ты в беде, – а я привык доверять ее интуиции. Что-то скверное происходит, и оттого, что ты решил поиграть в страуса, проблема никуда не денется. Или ты все расскажешь сейчас сам, или когда уже, возможно, будет поздно что-то исправлять. Давай говори, что тебя занесло в наш город из самого Питера, да так, что ты решил тут осесть и даже купил квартиру. Ведь если бы собирался перекантоваться, то снял бы жилье внаем, а ты – нет, купил. Что заставило тебя все бросить и начать с нуля?

– Это... это личное.

Реутов замысловато выругался и плюхнулся на переднее сиденье.

– Поехали.

Какое-то время они молчали, Реутов сердито сопел, и Егор обрадовался, когда показался цветочный рынок.

– Отложим этот разговор. – Дэн припарковал машину у бордюра. – Сейчас цветы. Что купить? Розы – банально, лилии – как-то с претензией, и запах у них резкий. Хризантемы только на похороны берут, гвоздики мужикам дарят, что там еще есть?

– Не узнаем, пока не увидим. – Егор задумался. – Можно взять всего понемножку, пусть будет типа сборный букет.

– Ладно, идем, все равно сами они к нам не придут.

Егор был согласен выбирать цветы, мести улицы и таскать камни, только бы не отвечать на вопросы о своей прошлой жизни. Он разорвал этот порочный круг и больше не хочет о нем вспоминать.

Цветы они купили достаточно быстро. Юркая девчонка в толстой куртке живо взяла их в оборот, предлагая различные варианты букетов, и наконец композиция была составлена, причем в выигрыше оказались еще три продавщицы, потому что цветы понадобились разные.

– Ну, слава богу. – Реутов покосился на Егора, сжимающего в руках букет. – Инке должно понравиться. Давай тортик еще купим в «Восторге», если повезет, достанется ореховый, ее любимый.

– У вас отношения?

Реутов помолчал, потом снова посмотрел на Егора:

– Не те, что ты подумал.

– Ты не можешь знать, что я подумал.

– Да ладно. – Реутов хмыкнул, как показалось Егору, презрительно. – Тоже мне, бином Ньютона. Ты думаешь, я с ней сплю.

– А разве нет?

– Иногда мы занимаемся сексом. Но это в наших отношениях не главное. – Реутов заехал на стоянку супермаркета. – Мы с ней учились в одной группе, чтоб ты понимал. И как-то скорешились, что ли. Я поначалу ее и не видел толком: ну, сидит какая-то ботанка, строчит конспекты, все контрольные делает, все экзамены сдает на пятерки. К тому же я тусил тогда с девочками такими, знаешь... ну, неважно. Мы просто дружили – я конспекты у нее брал, у Инки вся группа конспекты ксерила. С контрольными она мне помогала не раз. А потом вышло, что мы как-то дополняем друг друга, и в какой-то момент скорешились намертво. Несколько раз она меня выручала, а иногда я мог ей помочь – и помогал. Я не знаю, в какой момент мы сблизились настолько, что иногда у нас стал и секс случаться, но не в сексе дело, хотя мы подошли друг другу идеально, только дело не в этом. Я Инке доверяю, понимаешь? Избитое выражение – пошел бы в разведку, так вот с ней бы пошел. Это не дружба, не любовь. Просто доверие. У тебя есть человек, которому ты доверяешь всецело?

– Нет.

У Егора есть форум, но эти люди – где-то далеко. Он не знал, что такое – доверять, если речь идет о тех, кто вокруг, но он знал, что такое – осенний парк, горячий кофе и ощущение, что рядом те, кто тебе близок и понятен и кому безразличен ты сам. Неважно, откуда взялись эти люди. И им – да, он доверял, но объяснять это Реутову не мог и не хотел.

– Да? А ведь лет тебе под сороковник. Не нажил даже самого завалящего друга?

– Был, в детстве... сейчас он большой человек, и я на него работаю. А так... есть друзья, но в такой ситуации я не знаю, хорошо ли тащить их в эту кашу.

– Тогда тебе пора что-то менять в своей жизни. – Реутов взял букет из рук Егора. – Все, идем, торт купим и поедем Инку поздравлять. Кстати, как тебе Патрик?

– Зверюга!

– Скажи? – Реутов засмеялся. – А был хилый и умирающий. Я помню, как Инка нашла его. Только она и могла его найти – вот здесь, видишь, бак стоит? Она рядом запарковалась и услышала его не то писк, не то стон. Она тогда нас с Витьком по тревоге подняла, кричала в трубку: я нашла маленького ягуарчика, он умирает, немедленно приезжайте ко мне в ветклинику! Я решил, что она спятила – какой ягуарчик? Но, понятное дело, приехали – и правда, зверь. Это потом док сказал, что Патрик не ягуар, а марги. Они его буквально с того света вытащили, и что характерно – ведь понимал, шельмец, что его спасают! Кололи его так, что смотреть было страшно, а он к Инке прижмется – и терпит. Теперь вон какой вымахал, но не забыл, кто его спас. Она весь дом под него перестроила, видал? Пока Патрик болел, она нашла кучу всякой информации о марги, и когда забирала его, в доме уже все было для него приспособлено.

Торт им достался именно такой, как они хотели, и довольный Реутов больше не донимал Егора вопросами. Он открыл ворота своим ключом, Егор огляделся вокруг. Вчера было темно и рассмотреть ему ничего не удалось, а сегодня день выдался солнечный и совсем весенний, снег почти сошел, и двор стал похож на шкуру пятнистой коровы.

Участок был достаточно большой, за домом виднелся сад, в саду беседка. А сам дом поражал своей добротностью и элегантностью.

– Летом здесь красота. – Реутов улыбнулся, видимо что-то вспомнив. – Мы тут тусим, шашлыки жарим, ну и вообще. Патрик по саду гоняет как лось, на птиц охотится. Но за пределы участка ни-ни, понятливый зверь. Иногда я его подозреваю в том, что он реально понимает происходящее и человеческую речь, но специально притворяется, что не понимает, а сам наблюдает сверху и иногда просто со смеху покатывается, глядя на нас.

– Красивый дом. – Егор дотронулся до серого камня, из которого были сложены стены. – И такой... необычный.

– Этот особняк ее дед проектировал, он возглавлял архитектурное управление и вообще большой человек был. Правда, умер давно, а проект оставил – ну, знаешь, как дом мечты. Построить при совке он его не мог по понятным причинам, а вот отец Инкин построил. Тут они все вместе жили, потом он ей остался.

– Все умерли?!

– Там тяжелая история, Егор. Захочет Инка – расскажет, я не буду, не моя история, да и незачем. Все, хватит болтать, Инка, наверное, уже проснулась.

В доме пахло чем-то вкусным, и Егор почувствовал, что проголодался. Реутов с букетом направлялся вверх по лестнице, а Егор, оставшись с тортом в руках, решил поискать Федора. Рассудив, что в столовой он его обнаружит вернее всего, он направился туда.

Столовая залита солнцем, стол уже сервирован, но Федора здесь нет.

Зато есть Патрик.

Егор осторожно поставил торт на комод и попятился. Патрик сделал шаг к нему, и Егор замер. Марги был гораздо крупнее обычного кота, и яркий окрас придавал ему вид экзотический и хищный. Егор знал, что нипочем нельзя убежать от собаки, а от кота? От кота как-то даже стыдно убежать. Но если этот кот размером с...

Патрик подошел к Егору и потерся спинкой о его ноги. Егор осторожно наклонился и погладил большую красивую голову, почесал за ушком. Кот довольно заурчал и хитро посмотрел на него, словно говоря: ну, что, напугал я тебя?

И Егору показалось, что взгляд у Патрика осмысленный и все понимающий.

5

– Ничего мы не выяснили. – Реутов неприязненно посмотрел на пустой стакан и потянулся к кувшину с компотом. – Все перепились, никто ничего не видел и не слышал. Кто с ней общался последним, тоже не выяснили. Кто-то сказал, что последним с ней говорил директор. Да, Егор, сообщили, что вы ушли вместе. Хотя это не так, мы точно знаем, что после разговора с тобой она танцевала с сисадмином. Но на момент ее смерти у сисадмина стопроцентное алиби в лице начальницы отдела логистики Елены Шаповаловой, с которой он уединился в ее кабинете.

– Блин... – Инна брезгливо поморщилась. – И не побрезговал Дима этой клячей!

– Ин, она тетка симпатичная, ухоженная. – Федор ухмыльнулся. – А что плесень редкая, что с того? Диме это неважно, он же не детей с ней крестить собирается, а чтобы так, морковку попарить, она вполне годится.

– Извращенцы, блин...

– Инусь, перестань кукситься. – Реутов рассмеялся. – Женщины! Ну, ладно, дальше. Никто не видел, как Маша поднималась на крышу, ее шубку нашли в шкафу – в том кабинете, где она работала. Сумочка тоже была там. Никаких свидетельств о том, что Данилова собиралась свести счеты с жизнью, нами не обнаружено, как ничто не указывает на то, что она знала нечто, ради чего стоило ее убивать. В общем, история темная.

– Дэн, она не покончила с собой. – Инна погладила Патрика, который устроился на соседнем стуле. – Кто-то сбросил ее с крыши, и причина для этого должна быть очень веская. А это значит, что все неприятности еще впереди.

– Что ты имеешь в виду? – Егору стало неуютно от этих разговоров. – Разве это...

– Это, я думаю, продолжение новогодних развлечений. – Инна задумчиво посмотрела на шефа. – Скажи, Егор Алексеевич, каким образом ты получил эту должность? При чем замечать: я не ставлю под сомнение твои профессиональные качества. Ты родился для этой

работы, ты в теме настолько, что все от удивления офигели, и что ты талант, все давно поняли. Вопрос в другом: как ты вообще к нам попал? Ведь на прежнем месте с тебя, скорее всего, пылинки сдували. А ты уехал из Питера в наш относительно провинциальный Александровск. Так как?

Реутов ухмыльнулся. Шатохина задала те же вопросы, что задавал Егору он сам. И Казаков понимал, что эти вопросы еще не раз ему зададут, а это значит, придется рассказать, если не все, то многое, избежать этого невозможно. Уж лучше рассказать это сейчас, именно им, чем... Но почему этим троим он может доверять? Хотя кому-то же нужно.

– Я давно знаком с одним из партнеров фирмы Сергеем Масловым, мы в детстве дружили, потом в одном институте учились. У меня возникли определенные обстоятельства, и когда он предложил мне эту должность, я согласился.

– Нет, Егор. – Инна накрыла рукой его ладонь. Ее ладошка оказалась теплой, и Егор замер, потому что движение это было доверительным и... очень интимным. – Усеченный вариант нам не годится, нужна полная версия. На наше молчание ты можешь рассчитывать целиком и полностью, то, что говорится здесь, останется между нами, Патрик тебе подтвердит. Но ты расскажешь, что такое произошло в твоей жизни, что заставило тебя начать все с нуля. И это не праздное любопытство, а насущная необходимость. Ведь вполне может оказаться, что покушение на тебя и убийство этой девушки как-то связаны. Возможно, и Попов не сам упал с крыши. Как тебе такая схема – кто-то очень хотел заманить тебя в Александровск, для этого освободили место и...

– Ин, я понятия не имел о том, что произошло с Поповым. Но, насколько я знаю – он упал с крыши в декабре, а я вступил в должность...

– В середине января, перед старым Новым годом. – Шатохина задумалась. – Моя версия имеет право на жизнь, как и другая. На эту должность претендовала Рубахина, и она очень активно подсиживала Попова, а когда он погиб, именно она стала исполняющей обязанности директора. И если предположить, что его кто-то толкнул с крыши, то, рассуждая в ключе «кому это выгодно», надо признать: только Рубахина могла считать, что выиграет от его смерти. Кстати, мы все думали, что назначат ее – а потом приехал ты. Она тогда очень сильно расстроилась.

– Я ничего не знал. – Егор растерянно посмотрел на собравшихся. – Я правда понятия ни о чем не имел!

– И тебе никто не сказал, как окончил свои дни твой предшественник?

– Нет. Я и не спрашивал...

– Понятно. – Реутов удивленно хмыкнул. – Парень, ты вообще на каком свете живешь? Ладно. Давай, рассказывай. Ведь я сам могу узнать твою подноготную, но ты просто сэкономи мое время и позаботься о моей совести, очень неприятно мне будет расспрашивать о твоей жизни у тебя за спиной, учитывая, что мы с тобой за одним столом сидим.

– Егор...

– Инна, я не знаю, какое отношение мои личные обстоятельства могут иметь к вчерашней истории.

– Может, и никакого, но чтобы об этом судить, нужно знать. – Реутов налил Егору вина. – Выпей для храбрости и рассказывай.

Егора раздражала банальность ситуации – напиться вместе и изливать душу. Но никто из них не пьян, так что «напиться» – это вроде чересчур. Но рассказывать малознакомым людям то, о чем даже вспоминать тошно... Егор залпом выпил вино, оказавшееся сладким и тягучим. Из этой бутылки Реутов наливал Инне, видимо, она предпочитает сладкие вина, а Дэн это знает, конечно.

– Ладно. – Егор почувствовал, как мир вокруг становится зыбким – то, что он сейчас собирается сделать, для него вообще впервые. – Я расскажу, хотя по-прежнему не понимаю, зачем это нужно.

О форуме он им не расскажет, потому что это касается только его одного. Эта другая жизнь никак не пересекается с его нынешними проблемами, и ему совсем не хочется, чтобы во всем этом копались. Да и не поймут они.

– Егор, давай я буду об этом судить. – Реутов смотрит на него со спокойным вниманием. – Я считаю, что ты каким-то образом имеешь отношение к этому убийству, а возможно, и к двум. Может, Попова столкнули с крыши, чтобы освободить место для тебя, как знать.

– Глупости.

– Может, и глупости. Пока это одна из возможных версий. И я хочу во всем разобраться, пока не случилось чего похуже. Давай, начинай явку с повинной.

– Это... личная история. – Егор посмотрел на Патрика – внимательные глаза кота неотрывно следили за ним. – В декабре прошлого года я развелся с женой. Оставил ей квартиру, машину, дачу, а сам принял предложение Маслова и приехал сюда.

– Вот как. – Реутов угрюмо смотрел на него. – Нет, не годится. Давай, выкладывай все. Чем ты занимался в Питере?

– Работал на фирме, принадлежащей моим родителям, на должности топ-менеджера. Мы торговали продуктами питания и выпускали линию товаров под своей торговой маркой.

– Отлично, – кивнул Реутов. – То есть ты в сфере продаж был человеком не последним, если тебе предложили пост директора.

– Ну, да. Наверное.

Он жил среди потоков товаров и денег. Он просчитывал риски и разрабатывал стратегию, он совершенно точно мог сказать, как будет продаваться та или иная категория товара, какая стратегия принесет прибыль, а с чем и затеваться не стоит. Он каким-то шестым чувством ощущал, когда и куда именно следует направить товар, как будет платить клиент, он знал любое движение продукции по складу, и обмануть его было невозможно.

Но это там, где дело касалось товара. На работе он чувствовал себя уверенно и всегда знал, как поступить, быстро принимал решения, и они всегда оказывались верными. И форум аплодировал ему, когда он сажал в лужу очередного любителя самоутвердиться за чужой счет – Купер был интеллектуал и джентльмен.

А вне форума он являлся сыном родителей, которые всегда были им недовольны. Им не нравилась его работа, хотя четких претензий никто не предъявлял, не нравилась, в общем. И об этом ему говорили каждый день, так или иначе давая понять, что он без них никто. Им не нравилось, что он совсем «несветский» – но у него не было времени на политесы, как не было и желания вести эту самую светскую жизнь, потому что он чувствовал себя по-идиотски, слушая разговоры о каких-то курортах, на которых он никогда не бывал и не мог побывать – был слишком занят на работе. И смысла не видел ни в курортах, ни в разговорах о них, как и в том, кто с кем спит и кто что купил. Это все было фальшивым, как и улыбающиеся лица родителей, ведь улыбались они только на людях. И эта фальшь так прочно въелась в его кожу, что больше он терпеть этого не мог, ему надоело, что его жизнь состоит из фальшивых улыбок, фальшивой вежливости, фальшивой семьи, имитации, подделки. Все это напоминало потемкинскую деревню. И только Купер был настоящим, и форум, и Стая – но этого было мало.

Он отгородился форумом от фальши, которая его окружала, но, наверное, зря не вникал в эти странные отношения, потому что тогда бы он знал то, что знали все эти люди – чужие, искусственные, пустоватые. Они смеялись у него за спиной, обсуждая роман его жены, о котором знали даже его родители, а он понятия не имел. Ну а потом раздраженные слова матери: не станешь же ты затевать скандал из-за такого пустяка!

Он и не стал, но не считал измену пустяком.

– Я случайно узнал. – Егор склонил голову, чтобы не смотреть на собеседников. – Глупо и банально – тренер по фитнесу. Разговор ее услышал чисто случайно. Ну, там – милый, мой дурак сегодня уедет на переговоры, можно у меня. Я... не хотел верить, но должен был знать наверняка. Нет, меня это не задело, просто я должен был точно знать. Все оказалось пошло и банально, как в старом анекдоте – муж возвращается из командировки, а у жены в шкафу любовник. Нет, этот парень в шкаф не прятался, конечно, но мой халат мог бы и не надевать.

– И ты что?

– А ничего. Он быстро оделся и ушел, а я остался и целый час слушал, какой я никчемный муж и вообще пустое место, и если бы не мои родители, я бы сдох под забором. В общем, все то, что родители мне всегда говорили. Ну, и кроме того, я оказался абсолютный ноль в постели, и вообще она беременна, и я не смею ее тревожить всякими глупостями.

– О господи... – Инна поморщилась. – Всякий раз, когда я думаю, что уже знаю все мерзости, на которые способны люди, что мир достиг дна, в это дно кто-то стучит. Но ты не повелся на эту туфту и развелся. Как же у тебя это получилось столь быстро?

– Все просто. Я нанял адвоката, который через суд потребовал генетическую экспертизу плода, и она была проведена под дружные протесты моих и ее родителей. Как и думал, к ребенку я не имел никакого отношения, судья оказался человеком понимающим, тем более что я не претендовал на имущество. Я тогда... не очень хорошо понимал, на каком я свете. Продолжал работать, как раньше, но за месяц мне отец не заплатил...

– Подожди. – Реутов вскинул брови. – Я не понимаю. Фирма принадлежала твоим родителям, и они платили тебе зарплату?

– Процент от прибыли. – Егор вздохнул. Очень сложно объяснить этим людям то, что он и сам до конца не понимает. – Фирму основали мои родители, и меня готовили как преемника. Фактически так и случилось, они отошли от дел, всем занимался я, но фирма принадлежала им, как и прибыль. В остальном я был на тех же правах, что и другие сотрудники.

– Они платили тебе зарплату, а остальное клали себе в карман. – Инна картинно закатила глаза. – Высокие отношения, ничего не скажешь.

– Я... не знаю, как это объяснить. – Егор смотрел на нее и понимал, что должен объяснить. – Я всегда был недостаточно хорош для них. Всегда делал что-то не то, всегда был недостаточно... Ну, в общем, все было не так. А Полина... она дочь их друзей, и как-то получилось, что я сделал ей предложение.

Это получилось как всегда: мать приехала к нему на работу и потребовала. И он не посмел послушаться.

– Я поняла. – Инна закусила губу, думая о чем-то. – И что, они всегда так к тебе относились?

– В общем, да. Я сам много думал об этом, вспоминал. Пока мы жили как все, это выражалось просто в равнодушии ко мне. А когда я подросток, то...

– Может, ты им неродной? – Реутов задумчиво вертел в руках стакан. – Усыновленный?

– Я даже надеялся на это, но – нет, есть метрика, есть фотографии беременной матери. И внешне я похож на них. Мне было бы легче все это понять, если бы я был им неродной.

– Ладно, с этим понятно. Ты развелся, оставил скarb бывшей супруге и приехал сюда?

– Нет, Инна, не совсем так. – Егор понял, что нужно рассказать все до конца. – Я продолжал работать, но сначала мне не заплатили денег. Я кое-что скопил, конечно, но тут встал вопрос – а с чего бы? Я никогда не протестовал, не спорил, но мне поставили ультиматум: или я возвращаюсь к Полине и мы с ней делаем вид, что ничего не произошло, рождается ребенок, который «ни в чем не виноват» – и тогда все будет как прежде, или...

– Или ты безработный. Я бы выбрала второй вариант.

– Я тоже. Я понять не мог, почему они настаивают на этом. Зачем им ребенок, рожденный непонятно от кого, и почему я ничего не решаю в собственной жизни, если все решаю в их

бизнесе, за что мне даже зарплата теперь не положена. А тут позвонил Серега, я ему в общих чертах все это описал. Он на следующий день предложил мне должность у вас. Я ни минуты не колебался.

– Нет, это как раз понятно. – Федор с сочувствием посмотрел на Егора. – О чем тут раздумывать, когда такая ситуация.

– Вот именно. Но вплоть до вчерашнего дня мать звонила и требовала вернуться. – Егор кивнул на свой сотовый, лежащий рядом. – Я не могу выбросить эту сим-карту – последнюю, номер которой был ей известен, потому что на этот номер завязаны люди, которые важны для меня, но я заблокировал ее номер и не принимаю вызовы с незнакомых номеров. Я понимаю, как это выглядит, но другого выхода не вижу. Это еще не конец, она будет и звонить, и приезжать, и требовать что-то, но сейчас мне все равно. Как будто, переехав сюда, я отрезал их всех от себя и действительно начал новую жизнь.

– А ты и начал. – Реутов улыбнулся уголками губ. – Ты заметил, что делаешь то, чего никогда не делал? Например, сидишь в компании незнакомцев, пьешь вино и рассказываешь о себе. Но из всей твоей истории я сделал один вывод: что-то здесь не так. Не думай, я верю каждому твоему слову, но ты врос в это, потому и не замечал странностей, а я вот слушал и понимал: все это необычно. Ни одни родители не ведут себя так со своими детьми. Разве что алкаши и прочая шваль, но твои-то не такие. Или они оба – психопаты. Извини, конечно.

– Что они делали с тобой? – Инна посмотрела на него потемневшими глазами, ее ладонь накрыла его руку. – Егор, что они делали?

– Ты о чем?

– Такое их поведение и твоя абсолютная отстраненность, и нежелание общаться с людьми говорят о том, что в детстве ты подвергался насилию. Возможно, даже сексуальному. Они что-то делали с тобой, когда ты был ребенком.

Он не мог им сказать... и не сказать не мог. Он никогда никому не говорил, но, наверное, пришло время.

– Нет, никакого сексуального насилия. – Егор смотрел на ладонь Инны и думал, что никогда не видел таких красивых пальцев. – Но это было ненамного лучше. Она сажала меня в темный чулан. Надолго, иногда на весь день. Туда свет не проникал, ни лучика. Казалось, что темнота съедает меня, и меня уже нет. И дышать было нечем.

– Ублюдки они, твои родители, вот что. – Реутов сердито оттолкнул от себя чашку. – Таких стерилизовать надо или отбирать у них детей сразу, как те рождаются.

Они посидели молча, глядя, как Патрик карабкается по балкам, и Егор снова поймал себя на том, что, несмотря ни на что, ему спокойно и уютно, как никогда не бывало прежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.